

Ш-676

С. ШКОТОВ

БЫТ

МОЛОДЕЖИ



ОСНОВА

1925

С. ШКОТОВ

Б Ы Т
М О Л О Д Е Ж И

С предисл. Н. СЕМАШКО

„ОСНОВА“
Иваново-Вознесенск
1925

«Основа» № 92.
Напечатано в типо-литографии «Красный
Октябрь» Книгоиздательского Товари-
щества «Основа» в Иваново-Вознесенске.
Ив.-Возн. Гублит № 187. Тираж 10000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о новом быте вообще большой вопрос современности. Но среди этих сложных и трудных вопросов, которые мы обнимаем общим понятием «новый быт», едва ли не самый большой и трудный вопрос о брачных отношениях.

Наверное, не мне одному приходится так часто получать запросы, и устные, и письменные, особенно от молодежи, по этому поводу. Обилие лекций, диспутов на эти темы также свидетельствуют, как лихорадочно ищет ответы на эти вопросы молодежь.

Чтобы правильно решить наболевшие вопросы, надо, прежде всего, знать то, о чем идет речь. И для решения вопросов о брачных (семейных) отношениях надо, прежде всего, знать, что такое семья и брак, и как развивались они исторически, надо точно также знать, как и чем регулируются эти отношения в настоящее время в советском строе.

Мы, марксисты, научились понимать исторические явления не метафизически, а диалектически, т. е. в процессе развития.

Мы научились угадывать движущие силы и тенденцию развития того или другого явления. Это умение угадывать «тенденцию развития» и дало нам ключ к разгадыванию будущего каждого общественного явления. Раз мы угадали сущность данного явления, его диалектику (развитие), мы уже можем с значительной долей уверенности предсказать и дальнейший ход его развития. Марксистский анализ того или другого вопроса дает нам возможность ориентировки во всей сложности обстановки и возможность постановки правильного решения.

Это же применимо целиком и к данному вопросу. Прежде чем разговаривать «о судьбах брачных отношений», надо по-марксистски проанализировать сущность их и изучить их историю. Без этого нельзя даже подойти к правильному решению вопроса.

К сожалению, литература у нас по этому вопросу чрезвычайно бедна и запросы молодежи остаются неудовлетворенными. Мы имеем, правда, очень ценные, классические произведения (скажем, Энгельса, Бебеля), но слишком старые, чтобы они могли дать ответ на волнующие вопросы современности.

Поэтому нельзя не приветствовать инициативы товарища Шкотова в составлении настоящей брошюры.

Наверное, в ее изложении найдется много спорных вопросов (разве мало темных вопросов в истории брачных отношений, особенно если проследить ее материалистически, т. е. глубоко, а не с филистерской поверхностностью); может быть, найдутся и неточности.

Но и в данном случае «лиха беда начало». Автор взялся за новую задачу: дать читающей молодежи марксистское объяснение волнующих ее вопросов семьи и брака. Пусть за ним последуют другие. Пусть критикуют их работу: она, несомненно, в будущем будет дополнена и исправлена. Но самое главное: начало сделано. Молодежь будет знать научное освещение тех вопросов, которые ее волнуют.

И нужно пожелать только одного, чтобы эта брошюра была началом целой серии книг, брошюр и лучше всего сборников, освещающих темные еще стороны нашего нового быта.

Н. А. Семашко.

БЫТ МОЛОДЕЖИ

1. ЧТО ТАКОЕ БЫТ И ОТ ЧЕГО ОН ЗАВИСИТ

Бытом называются явления жизни, порождаемые окружающей обстановкой, а также общественные нравы и обычаи, которые создаются в результате хозяйственно-культурного уклада общества. Без обстановки не может быть быта, и всякая новая обстановка создает новый быт. Например: быт феодального периода отличается от быта капиталистического тем, что обстановка в феодальный период была совершенно другая. В феодальном обществе были слабее меновые отношения, не было такой яркой конкуренции на рынке, какая наблюдается в капиталистическом. Следовательно, было меньше вражды между помещиками, чем у капиталистов между собой. Слабо развитая техника производства тормозила процесс развития культуры и идеологии. В капиталистическом обществе мы видим быстрое развитие техники, которое двигает вперед общественную культуру и идеологию.

Взять производство феодального общества, основанное на труде крепостных крестьян. Оно создавало отношение и взгляд помещиков на крестьян, как на говорящий рабочий скот. Будучи твердо прикреплен к земле, находясь под постоянной пятой помещика, крестьянин чувствовал себя слабым и беспомощным в борьбе с существующим порядком. Крестьянин видел в барской семье что-то божественное, неприкосновенное, совершенно отдаленное от крестьянства. Бесправие, отсутствие защиты, беспощадная эксплуатация создавала у крестьян робость, унижение, смирение и слепую веру в сверх-естественные силы. Отсюда укрепление религии, которая везде окружала крестьянина.

В капиталистическом обществе производство основано на покупной рабочей силе и беспощадной эксплуатации чужого труда. Вершителем судеб человечества является тот, кто располагает золотом и средствами производства. Это порождало алчность и погоню за наживой, какими бы путями эта нажива не проходила, путем явного или скрытого грабежа рабочих. Для этого-то капиталисты и узаконяли насилие над рабочими массами. В старое время капиталист волен был распоряжаться над рабочими. Захотелось ему уволить десяток рабочих, он увольнял, не думая о нужде и голоде последних. Прием на работу также производился на глаз хозяйского директора. Чувствуя себя одиноким (отсутствие профсоюзов, касс взаимопомощи и т. п.), почти каждый рабочий был озабочен вопро-

сом, как бы оберечь копейчку про черный день. Вся эта обстановка порождала у некоторых рабочих боязнь за завтрашний день, а отсюда—трусость перед администрацией, взятки ей, а у других—классовое презрение к хозяевам и их приказчикам. Соответственно этому уже создавались обычаи: почтительное отношение к вышестоящим, и презрительное, заносчивое к нижестоящим. Это внедряло с сознание некоторых (особенно у привилегированных групп рабочих) принципы мелко-буржуазной, рабской идеологии.

В то же время капиталистическое общество сделало большой толчок к развитию коллективности в массах рабочего класса, так как капитализм объединил десятки тысяч рабочих в стенах огромных фабрик, пролетаризировал крестьянство, разорил кустарей, лишил их средств производства, заставил всю массу рабочих жить единой мыслью, создавая таким образом экономические предпосылки для классового самосознания рабочих.

Сама фабрика казалась для рабочих тюрьмой. Эксплуатация, грубое обращение с рабочими, отсутствие культурно-просветительных организаций, изобилие учреждений, отравляющих сознание рабочего (церкви, пивные, кабаки и проч.),—все это создавало быт рабочих.

Взять советскую обстановку,—она создает новые нравы и обычаи—новый быт.

Некоторые относят и революцию к быту, но это неправильно. Революция не есть быт. Это явление не бытового порядка. Только в процессе ее начинают складываться новые обычаи и вырабатываться нравы. Революция—это грозный вулканический поток, который сметает на пути все, препятствующее ее развитию. Революция разрушает старые производственные и семейные отношения,—напр., в России—национализация средств производства, замена религиозного брака гражданским и свобода семейных отношений. Все это только лишь расчистило дорогу к созданию новой жизни. Регулирование и создание нового быта, семьи будет проходить продолжительное время.

В советской жизни произошел крутой перелом. Фабрики, заводы являются государственными.

В производстве рабочие не видят хозяина-эксплуататора. Постепенно изживается презрение к административному персоналу, ибо каждый рабочий видит в нем не хозяйского слугу, а признает лишь целесообразное разделение труда в интересах государства. Вместо работы за страх, как было при капиталистах, рабочий сознательно трудится, напрягает силы, поднимает производительность труда и улучшает технику. Все это способствует перерождению старой жизни.

Но, несмотря на изменение обстановки, быт упирается в старые традиции, некультурность, религию и т. д. Семейное и общественное отношение людей всегда регулировалось, направлялось и уточнялось волей отдельных классов посредством религии, печати, буржуазной науки и т. д.

Поэтому в переустройстве жизни мы должны особенно обращать внимание на воспитание молодежи, на регулирование ее жизни соответственно бытовым условиям.

После окончания гражданской войны у нас все общественные организации заговорили о быте. Беда наша заключается в том, что часто эти разговоры не попадают прямо в цель.

НУЖНО ИЗУЧАТЬ БЫТ

За последнее время на комсомольских собраниях часто обсуждаются вопросы о быте. В партийной и комсомольской прессе также можно видеть заметки и статьи относительно жизни рабочих и молодежи. На собраниях, в заметках и статьях пока обсуждают, главным образом, отрицательные бытовые явления, замечаемые в рабочей среде. Наши рабочие очень и очень редко зарисовывают обстановку семьи, в которой они врачаются, выявляя в ней зачатки нового быта. Правда, часто описывают советские октябрины, но ведь это только одна из тех составных частиц, которая входит в совокупное понятие о быте.

Ясно, что такая постановка работы в этой области не может нами признаваться удовлетворительной. Старый быт складывался веками, благодаря взаимному обмену опытом между эпохами и отдельными нациями. Например: татарское иго на Руси наложило свой отпечаток на славянский быт. Последние заимствовали у татар много привычек и наречий. Взять период Петра Первого: развитие в России промышленности привело к общению с европейскими государствами, что, в свою очередь, внесло коренное изменение в русский быт и старую культуру. Изменилась форма семьи, были разрушены терема и раскрепостились девушки, а также изменились формы одежды русского привилегированного общества. В отношении склада семьи: замужество, основанное на приданом в феодальном обществе, перешло в капиталистическое. Вместе с тем в капиталистическом обществе влияние родителей на невесту в значительной степени ослабло.

Помимо этого, хозяйственные формы глубоко влияют на построение жизни людей, на семейные отношения. Наличие фабрик в деревенских местностях изменяет быт даже в отсталой деревне. Фабричная техника, электрификация глубоко влияют на работающих на фабрике крестьян в смысле подьема знаний и культуры. Деревни, где отсутствуют фабрики, малокультурнее по сравнению с деревнями, в которых есть

фабрики и заводы. Вот наглядный факт: в двух верстах к западу от города Пензы расположено село Веселовка. Из этого села 2—3% крестьян издавна работают на спичечной фабрике «Искра». Это способствовало повышению культурного уровня крестьян. Там с 1920 года имеется ячейка и нардом. Наречие крестьян культурное, мало отличающееся от городского.

А вот второе село—Тарновка, расположенное к юго-востоку в одной версте от гор. Пензы. Здесь исключительно крестьяне, занимающиеся хлебопашеством и иногда бывающие в развозах. В этом селе, несмотря на близость к городу, крестьяне сильно отличаются от веселовских: грубое наречие, примерно—«чаво», «лешачий»; одежда этих крестьян напоминает средневековые: у женщин длинные цветастые юбки, стеклянные украшения (бусы), в несколько рядов обвивающие шею. У парней широкие шаровары, лакированные сапоги и канареечного цвета рубашки.

Из этих примеров видна необходимость детального изучения быта молодежи. Нужно достигнутые результаты в одной местности перекачивать в другие места и уже на опыте первого случая прививать их крестьянам и рабочим, находящимся в темноте и невежестве. Особенно это необходимо в нашей стране—с разнообразными формами хозяйства. У нас с одной стороны существуют гигантские фабрики американской системы, где работают десятки тысяч технически и политически развитых пролетариев, с другой стороны хозяйство самоседа-лопаря, где еще совсем не представляют себе машину или аэроплан. В первом случае мы имеем достижение в быту, в последнем же консерватизм быта. Помка его будет проходить очень медленно и коряво.

Детальное изучение быта, обмен мнений трудящейся молодежи по этому вопросу явится громадным сдвигом в сторону правильного построения общественных и семейных отношений людей.

В противовес этому многие говорят, что быт складывается только в зависимости от экономического построения общества, независимо от желания людей и поэтому, мол, не надо его изучать и регулировать. Это не совсем правильно.

Создание нового быта должно явиться одной из составных частей сознательного человеческого творчества, но как мы можем строить быт, не изучив его?

Это, конечно, не значит, что мы хотим оторвать быт от законов, существующих в природе. Каждый коммунист, знакомый с теорией марксизма, отлично знает, что семья и ее построение изменяется наряду с изменением экономической структуры общества и его отношений. Каждому сознательному

рабочему известно, что экономический уклад общества есть основа всех идеологических надстроек, как то: религии, права, семейных отношений и т. п. Мы знаем, что эволюция форм хозяйства и социальных отношений есть исторически необходимый факт.

Но наша партия отличается от всех социалистических партий тем, что она ускоряет этот исторический процесс развития через организованную сознательную борьбу пролетариата. Например, во время империалистической войны капиталистические противоречия были налицо. Революция экономически и политически назрела ходом событий и никто из марксистов-большевиков не сомневался в ее неизбежности. Но революция стихийно победить не может, нужно использовать противоречия в обществе, придать им плановой организованный характер. Этим организатором и явилась большевистская партия. Она через агитацию, пропаганду доказала массе неизбежность переворота и таким образом ускорила ход октябрьских событий.

Почему же нам не принять активное участие в построении нового быта? Создание быта это не менее важная революционная задача, чем все остальные, которые мы решали во время революции. Правда, эта задача не была раньше первоочередной, вследствие более важных задач, требующих к себе первоочередного внимания. Теперь же мы можем и должны уделить большее внимание созданию бытовых условий, правильному налаживанию семейных и общественных отношений людей.

Неповская стихия ведет борьбу за влияние на массы. Напманы—новая буржуазия—из кожи вон лезет, пытаясь доказать всей массе, что она способна построить семью. Эта буржуазия ведет отчаянную агитацию о том, что мы якобы сломали семью, занимается сплетнями, как будто бы коммунистическая этика—это этика магометанина в семейных отношениях. Стараются подтвердить это фактами, указывая на единичные случаи в поведении отдельных коммунистов, которые ведут развратную жизнь. Это мнение распространено и среди крестьянства. В определенный период действительно наблюдался массовый нигилизм в этой области. Здесь уже есть опасность, что неповская проницательная буржуазия путем этой агитации сумеет ввести в заблуждение массы, отчасти прививать крестьянству и некоторой несознательной части рабочих свои идеи. Вот почему нам нужно взять в руки вожжи, особенно в среде молодежи, изживать старые привычки легкомысленного поведения—разврата, пьянства, мещанского разгула и т. д.

Поэтому же нам придется отвести в сторону меньшевистские сказки, что, мол, не надо регулировать, «это дело эволюции, само собой сложится, как время настанет, как будет пере-

лом в экономике (эволюционный перелом!). Нет, нам нужно сейчас, в переходный период добиться того, чтобы член комсомола и рабочий подросток-фабзавучник был бы примером для всей беспартийной молодежи. А у нас часто бывалот и такие случаи, когда комсомолец рассуждает так: «я, мол, исполняю обязанности, дисциплину, хожу аккуратно на собрания, что вам еще надо? А как я живу в семье, как я провожу время вне службы, какие у меня отношения к девушкам, это уж повольте,—моя личная жизнь». Так ли это? Конечно, нет. Личной жизни, оторванной от политики, не должно быть. Что значит личная жизнь? Значит ли это, что можно на улицах хулиганить, в семье скандалить и распускать себя в половом отношении? Какой это комсомолец? Как на него посмотрят после этого беспартийные? «Ну уж, скажут, и комсомолец, в люди лезет, на собраниях кричит про быт, а сам с матерью или женой в семье не может жить. Какая уж там будет жизнь в коммуне?»

В деревне так и бывает. Там крестьяне не разбираются с программой комсомола или партии, они судят о коммунистах по своему соседу Проньке комсомольцу, или Ивану Петрову, коммунисту. Каковы они здесь в деревне, такова и вся партия. Так рассуждают крестьяне.

Крестьянин—человек практичный. Он не любит, когда ему читают теорию, говорят на собраниях, он любит: когда ты ему покажешь, как ты сделал и что делаешь на деле. До тех пор, пока он сам не нащупает, не увидит, до тех пор агитация останется в его глазах пустозвоном.

А у нас некоторые комсомолы пока больше говорят—меньше делают. Напр., в г. Царицыне один комсомолец мне заявил: «что из этого, что я уж больно, как говорят, выпиваю горькую и кручу с бабьем. А они не видят, как я работаю, учусь, посещаю собрания, делаю доклады—моя пьянка и крутежка не мешает работе».

Этим я не хочу сказать, что рабочая молодежь развращена, что она потеряла нравственность. Я хочу лишь доказать, что у нас существуют такие группы среди молодежи, которые не понимают необходимости увязки личной жизни с общественной, доказывая, что личная жизнь одно, а общественная другое.

Это неправильно.

Быт должен строиться, исходя из насущных политических интересов и задач рабочего класса в его борьбе за освобождение. Другими словами, личная жизнь—«нравственность», поведение—должны быть одним из составных элементов борьбы пролетариата за новую, свободную, трудовую жизнь.

ЧТО ТАКОЕ НАВРСТВЕННОСТЬ

Молодежь часто говорит о нравственности, не отдавая себе отчета, в чем же сущность нравственности и какие понятия должны входить в этот термин. Многие утверждают, что нравственность как таковая сметается революцией вместе с самим термином.

По мнению некоторых товарищей, вся нравственность заключается в половом вопросе.

Это в корне неправильно. Революция уничтожила только буржуазно-помещичью нравственность. Это не исключает возможности и необходимости создавать нам свою этику.

Буквальное же значение слова «нравственность»*) заключается в себе очень многие, внутренние и внешние проявления человеческих действий. Сюда входят: семейно-половая жизнь, отношение к тем или иным поступкам, как, напр., воровство, проституция, обман, убийство, разврат и т. п.

Буквально все это—антинравственные поступки, а обратно, т. е. отсутствие этих проявлений, будет означать нравственно, т. е. допустимо, правильно.

Конечно, это только буквально. Иногда все то, что отдельным классовым группировкам кажется безнравственным, то для другой части общества является вполне нравственным, допустимым. Например: эксплуатировать рабочих, пользоваться чужим трудом, буржуазия считала нравственным, а мы отвергаем это, считаем безнравственным. Или другой пример: отнимать у капиталистов фабрики, заводы в общественное пользование, мы говорим можно, вполне нравственно, а они считают наоборот.

Нравственность играет большую роль в классовой политике господствующего класса: «Содержание пролетарской морали (нравственности. С. III.) определяется, прежде всего, тремя основами: всеобщего труда, равноправия всех членов трудового коллектива и товарищеской спайки, без этого коммунизм не осуществим. Буржуазная этика имеет другие основы, а именно: узаконение эксплуатации и частной собственности, порабощение женщин и т. п.»**).

Значит, понятие о нравственности (морали) не может быть одинаково для всего человечества. Нравственность не может быть обще-человеческой, она также делится по классовому

*) Слово нравственность мною употребляется за отсутствием более подходящего термина. Само-собой понятно, когда у нас окончательно сложится своя пролетарская этика, то мы дадим более глубокое название всей сумме человеческих семейных, бытовых отношений.

**) Коллонтай. Письмо трудящейся молодежи. Журнал „Молодая Гвардия“. 1923 г. № 2.

расслоению людей. Следовательно, что безнравственно для буржуазии, не всегда должно быть безнравственно для пролетариата. «Мораль—это не следует забывать—одно из орудий борьбы класса, стремящегося установить свое господство. Чем борьба острее, настойчивее, труднее, тем важнее классу обладать моральными понятиями, которые служат духовной оценкой для членов данного класса» (там же). Поэтому основная задача комсомола заключается именно в нравственно-классовом воспитании молодежи. Воспитание в молодежи таких норм общественного поведения, которые бы каждым своим шагом разрушали невежество, эксплуатацию и рабские наклонности. Я об этом буду говорить более подробно в следующей главе моей брошюры, а сейчас остановлюсь на споре буржуазной науки с нами по поводу классового характера нравственности.

Помещики и буржуазия утверждают, что нравственность ни в коем случае не может быть продуктом классового расслоения общества и господства одного класса над другими. Они уверяют, что это такая святыня, которая для всех людей должна означать одно и то же. (Понятно, это только их слова).

Теперь, спрашивается, если нравственность не создается классами, не создается всем человеческим обществом, так как общество разношерстно в своих интересах, кто же создает и регулирует «единую» нравственность?

Помещики и поповщина утверждают: «нравственность создана богом и кодекс законов ее изложен в десяти заповедях».

Российская буржуазия, не долго занимавшая господствующее положение в русском обществе, не успела детально и точно выработать свою этику. Поэтому она заимствовала часть поповско-помещичьей морали у феодального общества, часть у западной буржуазии, разбавив все это свойственным ей нахальством. «Позднее, когда под влиянием развитой науки, в глазах самой буржуазии поколебался авторитет небес и бога, буржуазия стала искать опоры для своих моральных принципов в науке. В XVIII и начале XIX вв. появился ряд крупнейших буржуазных философов: Кант, Фихте, Шеллинг, которые установили «новую истину», что моральные нормы человека даны не богом, а вложены в душу самой природой» (Коллонтай, там же). Отсюда — борьба буржуазии с помещичьей нравственностью. В вопросах же эксплуатации рабочих религиозной паутиной или в вопросах эксплуатации они были всегда единодушны. Буржуазия разрушила старую мораль у помещиков, создавала свою, но это не мешало ей вталкивать, вбивать поповско-помещичью мораль рабочим и крестьянам—вроде того: «На тебе боже, что нам не гоже».

Основа буржуазной нравственности сводится к следующему: успевай грабить, захватывай,—не успеешь—тебя ограбят и разорят. Этой нравственности буржуазия учила всех. Без этой нравственности невозможно существование капиталистического общества.

Давайте подробно рассмотрим и проследим поповско-помещичью и буржуазную нравственность. Как известно, помещичья мораль строилась на религии. Начнем с последней десятой «заповеди господней». В ней говорится: «Не пожелай жены ближнего твоего, ни осла его, ни села его, ни чего, елика суть ближнего твоего», и т. д. Что говорится в этой заповеди—является ли она предупреждением воровства людей или трактуется еще о чем другом?

О воровстве, мы знаем, есть шестая заповедь «не укради». Зачем потребовалось богу писать новую заповедь, тратить время и бумагу? Ясно, что цель этой заповеди преследуется другая. Богатые классы боятся как бы бедняки-рабы не отняли у них то, что они наработали на богатей.

Что остается делать?

Писать самим законы о неприкосновенности частной собственности и выдавать их прямо за свои—это невыгодно, ибо утнетенные поймут, что здесь кроются хищные интересы. Тут помещики, а после буржуазия, чтобы оградить свою собственность, скрылись за «боженьку», выдавая классовые законы за законы бога, подтверждая их юридическими земными законами.

Возьмем другую заповедь, вторую—«не сотвори себе кумира и всякого подобия и т. д.». Что преследовала поповщина, издавая эту заповедь? Здесь также сквозит определенно ясная конкурентная борьба христианской и еврейской религии с другими религиями. Возьмем заповедь «не убий». Разве это не мошенничество буржуазии? Убивать, предположим, буржуазию во время революции грех, а сами попы и буржуазия в 1914—15—16 гг. с крестом в руках провожали на фронт, на убийство миллионы рабочих и крестьян. Провожали их умирать за интересы капиталистов. Да что говорить? Возьмем все христианское учение,—оно насквозь приспособлено для помещиков и буржуазии. Для иллюстрации приведем еще несколько примеров. Учение Христа говорит: «если кто ударит тебя по правой щеке, подставь и левую». Они знали, что люди год с годом будут культивироваться, развиваться и сознавать свои интересы, что приведет к забастовкам, волнениям против эксплуатации. Тут у них явится необходимость оберечься против забастовщиков. Они и додумались сдирать шкуры с бедняка таким образом, чтобы он не защищался, а смиренно и покорно переносил все. Здесь явилась необходимость заинтересовать бедняков в том, что творимые над ними расправы и его нищета возместятся ему за покорность и терпение будущей жизнью не на земле, а на небе.

Исполняли ли помещики и буржуазия сами эти законы? Конечно, нет. В 1917 году пролетариат отнял у помещиков и буржуазии власть. Они не оставили себя на «волю Божию», а организовали белую армию, с которой пошли против рабочих и крестьян защищать свои интересы.

Вот вам вся нравственность, которую помещики, буржуазия и поповщина выдавали за Божьи заповеди. В этих замаскированных «божеских» законах помещики и буржуазия веками воспитывали в рабстве и унижении миллионы людей.

Мы наглядно уяснили себе, откуда взялась поповско-помещичья нравственность, ее классовый характер и соответствие интересам господствующих классов.

Эту то нравственность буржуазия и считала абсолютом, т. е. вечной, неизменной. Поведение отдельных людей и классов она считала зависимым от «души» людей. Откуда? Конечно, это все неверно. Мораль в общем не может быть консервативной. Она вырастает также на почве хозяйственного и политического уклада общества. Изменилась система политически - классовых отношений в обществе, — неизбежно изменяется мораль и психология людей. Маркс и Энгельс по этому поводу сказали следующее: «Абсолютной, вечной, неизменной правды нет, нормы морали на всем протяжении человеческой истории видоизменяются, даже знаменитый категорический императив Канта только приспособливает свои веления к месту и времени».

Теперь спрашивается, нужно ли нам в корне сломать эту нравственность?

Безусловно, да.

Необходимо все движения в жизни, все личные поступки рабочего и крестьянина согласовать с его политическими целями. Нужно пролетарскую нравственность поставить как активную силу против буржуазии, разрушая всю ее подлость и все проявления буржуазной нравственности. Отсюда — необходимость создания норм общественного поведения рабоче-крестьянской молодежи, которые носили бы глубоко-классовый характер.

Как же мы должны теперь понимать нравственность?

«Когда говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность — вся в этой сплоченной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда. Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с

буржуазией. В этой борьбе она воспитывает настоящих коммунистов, этой борьбе она должна подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании» (Ленин. Речь на 3-м съезде Р. К. С. М.).

Отсюда ясно, что наша нравственность должна строго согласоваться с общими политическими интересами класса. В борьбе за освобождение трудящихся мы не должны считаться ни с какими препятствиями, ни с какой жестокостью. Вся наша жизнь, работа, семейные отношения должны быть единым фронтом для достижения намеченной политической цели.

Мы поставили себе цель — создать коммунистическое общество. Можем ли мы осуществить эту идею, если члены КСМ, рабочие и крестьяне, вместо работы займутся пьянкой, шарлатанством, или, вместо ученья, займутся карточной игрой? Можем ли мы при этих условиях достигнуть коммунизма?

Конечно, нет.

Это равносильно тому, если бы плотник взялся строить дом и вместо работы занялся пляской. Мог бы он сделать дом?

Конечно, нет.

То же самое и в обществе. Если мы ставим перед собой какую-нибудь конкретную задачу и, вместо выполнения ее, некоторые члены нашего коллектива займутся пьянкой, другие — игрой, третьи — развратом, — это уж будет походить на крыловскую басню: «Лебедь, рак и щука», этим воспользуются наши враги.

Поэтому нам нужно жизнь построить таким образом, чтобы каждый вел себя так, чтобы это было полезно для коллектива. Вся пролетарская масса в поведении должна быть монолитна. Поэтому каждый член коллектива — рабочий, крестьянин — и в первую очередь члены партии и комсомольцы должны быть крепкими винтами, способствующими действию машины, идущей к коммунизму.

Ленин сказал: «в строительстве коммунизма должны принять участие миллионы рабочих и крестьян». Для того, чтобы привлечь к строительству эти миллионы, наши члены партии и комсомола должны быть примером во всех отношениях. Нужно показать пример и в личной, семейной и общественной жизни остальной массе, — тогда она пойдет с нами.

Казалось бы, частые разводы некоторых коммунистов не влияют на его работу в организации: «что развод, разве, мол, он влияет на ход революции?» Но это только кажется. Всякое движение комсомольца и коммуниста на счету у беспартийных. И если мы не сможем построить семью, не сможем

правильно построить жизнь, за нами большинства не будет. И крестьяне пойдут по другой дороге.

Или взять разговоры некоторых рабочих, которые говорят: «я поддерживаю партию, состою членом профсоюза, одновременно верю в бога—одно другому не мешает». Так ли это? Может ли религиозный человек быть одновременно и коммунистом? Давайте разберем.

Прежде всего, раз человек религиозный, он объективно связан религиозными законами, заповедями, где говорится «не убий», смиренно терпи, кто ударит по правой щеке,—ставь левую.

Значит, раз убивать нельзя, то нельзя и делать революцию, ибо революция никогда без убийства не обходится. Плеханов сказал: «убивать гадину (буржуазию, эксплуататоров), это нравственно». Ясно, что убийство беспринципное, корыстное, это безнравственно; убивать буржуазию во время революции с нашей точки зрения вполне нравственно, допустимо, ибо это делается в интересах большинства человечества. Поэтому нет большей преступности комсомольца и коммуниста в партийной этике, как его религиозность. Предположим, человек состоит в коммунистической организации, внешне держит себя коммунистом, а внутренне религиозен, венчается в церкви. Беспартийные очень уважают таких коммунистов, они говорят так: «Вот это человек—коммунист—и бога помнит, а остальные просто хулиганы». В таких случаях очень трудно вести антирелигиозную пропаганду среди беспартийных.

Вот почему нам нужно прививать пролетарскую нравственность. Нам нужно поведение отдельных товарищей согласовать с общими задачами класса. В личной жизни нужно подходить с точки зрения классовой полезности.

Буржуазия после октября 1917 года кричала, что большевики одичали, они разрушают культуру, превратились в варваров, расстреливающих «благородных, культурных» людей в своих ЧК'ах. Все, что делала суровая рука пролетариата после победы, буржуазия вместе с духовенством называла безнравственностью и дикостью «некультурного большевизма». Сама же буржуазия в 1905 г. (9-го января), в 1912 г. (Ленский расстрел) расстреливала тысячи безоружных рабочих,—и это было для нее вполне нравственно, ибо дело шло об ее интересах. Попы прославляли и увековечили существующий деспотизм Николая и буржуазии, проклиная восставших рабочих, предавая их анафеме.

Это еще раз подчеркивает, что нравственность при наличии классов не может быть общечеловеческой, а неизбежно должна отражать классовые интересы того или иного класса.

Полезны ли те или иные поступки рабочего для нашего класса или нет? Напр., распутная жизнь комсомольца влияет на всю организацию, подрывает авторитет его и всей организации. Чрезмерное затрачивание энергии, которую можно было бы употребить на пользу обществу, возможность заражения венерической болезнью и после—заражение окружающих, или пьянка,—полезна она для нашего класса? Конечно, нет. Почему? Да потому, что пьющий рабочий, содержатель семьи, прожигает деньги один, отрывается от семьи, значит делает преступление перед членами коллектива. Кроме этого вино одурачивает мозг. Напившийся неизбежно одурачивается, что приводит к скандалам, преступлениям и т. п. Кроме этого человек втягивается, заболевает алкоголем. Постоянно его влечет выпить, денег своих нет. Здесь возможны преступления в семье или на службе.

Взять аборт. Буржуазия теоретически считала это анти-нравственным явлением, подтвердила это даже своей законностью. А сама у себя на домах за большие средства допускала и поощряла их. Должен заметить, что буржуазия аборт в большинстве делала от жира (неудобно ведь, некрасиво беременной ходить), но не от нужды.

Мы на этот вопрос смотрим по-другому. Советская власть легализовала аборт, предоставила возможность всем делать, кому необходимо. А необходимость может быть вследствие бедности, невозможности прокормить и воспитать ребенка, и по физиологическим причинам. В этих случаях делать аборт можно.

Если же это делается для моды, форта, нежелания ходить беременной или связывать себя, как рассуждают многие, это уж с нашей точки зрения в высшей степени безнравственно.

Или развратничает комсомолец: «Что, мол, от этого, парень молодой, пускай себе гуляет». А что получается от гулянья с девушками? Половая связь, которая ведет к беременности. Он бросает одну, переходит к другой,—и в результате одна или обе становятся беременными. Что ему остается делать? На обоих жениться нельзя. Приходится одной девушке прибегать к аборту. В большинстве случаев девушка стесняется идти в больницу—идет к знахарке, акушерке, старается сделать все скрыто, а в результате получается заражение, болезнь, а зачастую и смерть. Вот почему мы считаем, как половую распущенность, так и аборт, ради моды, антинравственными явлениями.

II. ПОЛОВЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИСТОРИЯ СЕМЕЙНО-Половых ОТНОШЕНИЙ

Половые взаимоотношения людей в различные периоды жизни человечества толковались и строились по-разному. Они складывались в прямом соответствии с общим ходом исторического развития человечества.

Половая жизнь не может быть отделена от общей системы взаимоотношений внутри общества. Она постоянно отражала тот уклад общества, при котором складывались различные формы половых связей.

Основой половых отношений является хозяйственный уклад общества и роль женщины в общественном производстве.

В зависимости от этого уже складывается семья и создаются отношения к женщине. Не уяснив этого основного, очень трудно судить о половой жизни, угадывать движущие силы, изменяющие, на всем протяжении истории, семейные и половые отношения людей.

Значит, хозяйственно-материальные средства всегда являлись и являются основным барометром, отражающим семейные отношения людей и отношение к женщине, в частности.

История знает периоды, когда женщина являлась заправилкой в обществе и стояла во главе семьи (период матриархата).

Взять более древний период—первобытный коммунизм. Здесь мы не видим не только господства мужчины над женщиной, но также и семьи. Семья начала складываться при развитии техники, дающей возможность людям прожить не большой группой. Было время, когда совершенно не было семьи и люди жили в родовой общине, т. е. где-нибудь в лесу, на острове была родовая группа, которая не представляла из себя спаянной, в современном смысле, семьи. Здесь мы не найдем ревности или любви, нет парной семьи. Этот период наука называет периодом беспорядочного полового сожительства. Ф. Энгельс про этот период говорит следующее: «По этой системе все без исключения дети родных братьев и сестер—братья и сестры между собой и считаются общими детьми не только своих матерей и их сестер или своих отцов и их братьев, но всех сестер и братьев своих родителей без различия.»

Переход женщины на положение рабыни, хранительницы семейного очага, относится к более позднему периоду человеческой истории.

Закабаление женщины началось с момента появления на сцену рабовладельческой системы, с вражды между родовыми группами, когда мужчина стал организатором хозяйства, организатором войны.

Семья же на всем протяжении истории изменялась, приспособлялась к системе человеческого общежития. Взаимоотношения мужчины и женщины изменялись по мере уткрепления мужчины в хозяйстве, по мере занятия мужчинами главной роли в производстве.

Взять охотнический период первобытного коммунизма. Здесь все члены коллектива были равны. Женщины наряду с мужчиной добывали средства к существованию, ловили рыбу, собирали плоды и т. д., в общем их труд мало отличался от труда мужчин.

Момент оседлой жизни человека и занятие земледелием толкнули его к более постоянной семье. До этого периода мужчины жили в многоженстве, а женщины в то же время жили в многомужестве, а их дети принадлежали им всем, были общими.

Переход от этого состояния к единобрачию сопровождался целым рядом изменений, которые состояли в том, что первоначальный обширный круг семейного сожительства постепенно суживался и дошел до одной пары,—формы, ныне преобладающей *).

Это наглядно показывает, что семья и половые отношения людей—не консервативный элемент, а прогрессивный, движущийся и изменяющийся с общим ходом истории. При чем, в понятие семьи входит не только отец, мать и дети, но и целое родословие, тетки, дяди и т. п. Было время, когда при системе единобрачия существовали семьи в количестве 150 и больше человек. Это было вызвано исключительно интересами хозяйственного союза. Когда одна пара—муж и жена—при слабой технике, не была в состоянии бороться с природой, то приходилось бороться коллективом, вследствие чего борьба за существование проходила успешнее. Все это вызывалось исключительно хозяйственной необходимостью. Например, даже и сейчас у отдельных племен мы наблюдаем семьи до 60—70 человек. Если взять Архангельскую губернию, то здесь мы найдем семьи, насчитывающие до 30—40 человек. Спайка родства хранится еще до настоящего времени, несмотря на изменение семьи. «Семья элемент активный, дея-

*) Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.

тельный, семья не остается неподвижной, а развивается, переходя из низшей в высшую форму, соответственно социальному развитию» (Морган. Цитировано по Энгельсу: Происхождение семьи, частной собственности и государства).

Вот перед нами краткая общая схема развития семьи. Здесь мы наглядно уяснили себе, что современная семья сложилась после целого ряда изменений. Морган по поводу первобытных половых отношений говорит следующее: «В первобытном состоянии общества господствовала полная свобода половых отношений, в пределах оределенного племени, так что в нем каждая женщина принадлежала каждому мужчине и каждый мужчина — каждой женщине».

У современного человека, при его пристрастии к разнообразию, невольно возникает вопрос о том, как же регулировались, в физиологическом отношении, половые связи в те времена. Можно подумать, что тогда человечество находилось на пути полнейшей половой распущенности. Но, этого, конечно, не было. Доисторический человек был совершенно незнаком с всевозможными возбуждающими «прелестями», введенными буржуазией (балет, греческие вечера, развращающая литература и т. д.). Доисторическая женщина представляла собой исключительно члена трудового коллектива. Она не была объектом секотания половых инстинктов мужчин, как привыкла смотреть на нее сейчас буржуазия. Здесь половая связь была исключительно естественная, с целью размножения потомства — продолжения рода. Взять для примера в этом случае животных; у них нет форм проституции и половой распущенности, они имеют сношения только в момент течки. Так же было и с взаимоотношениями полов в первобытном обществе.

После этой формы полового сожительства люди перешли к кровородственной семье, т. е. семья строилась из деда, бабушки, их сыновей и внуков. В этот период разрешалось половое сожительство с родными сестрами, братьями и даже между родителями и детьми.

«Братья и сестры, родные и двоюродные, первой, второй и дальнейших степеней — все братья и сестры, а потому муж и жена между собой. При такой семье родственные отношения между братом и сестрой распространялись и на половую связь *).

*) Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Стр. 10.

После этой семьи на сцену выступила новая форма — «Пуналуа семья» (семья товарищей). Эта семья в основном отличалась от семьи кровородственной тем, что в ней были исключены половые отношения между родителями и детьми, братьями и сестрами.

Здесь еще была широкая семья. Сестры жили с двоюродными братьями, жены и мужья между ними — считались общими. Здесь еще нет парного сожительства. Есть трудовой коллектив. Называли друг друга в этой семье, — говорит Энгельс, — не братом, а пуналуа, близкий товарищ. В этой семье дети остаются при матерях, и род числится по матери, а не по отцу.

Третья форма семьи — «парная семья», которая предшествовала семье феодально-капиталистического общества. Эта семья выродилась из пуналуа-семьи. Здесь мужчина из общего числа жен выбирает себе одну жену, с которой живет длительное время, одновременно продолжая половую связь и с другими женщинами. Впоследствии муж начал требовать от своей избранной, временной жены верности, и, в случае измены, «жена» жестоко наказывалась.

Переход к этой временной семье и отказ от половой связи с родственниками, братьями, сестрами, был вызван исключительно егеническими причинами, законами естественного подбора. Морган по этому поводу говорит следующее: «От брака между членами неродственных родов произошло племя, более сильное физически и нравственно; при скрещивании двух прогрессирующих родов естественно увеличивается объем черепа и мозга их потомков, ибо способности последних составляют сумму способностей первых. Поэтому племена с родовым бытом более развились, чем оставшиеся при прежней семейной форме». Эта парная семья не отделяется еще от коллектива, а остается в общем коммунистическом хозяйстве. Здесь роль женщины еще первенствующая. Женщина, по правам материнства, еще господствует в роде. Если взять даже сейчас дикие племена у народов, стоящих на низкой ступени культурного развития, то мы увидим, что женщина находится в большом почете и играет в семье решающую роль.

Эта форма семьи характеризует собой одновременно зародыш гетеризма (половая связь ради удовлетворения потребностей), постепенно превращая половые отношения в объект сладострастия, объективно устраняя тем основную цель половых взаимоотношений — продолжение потомства.

Случайная — парная семья начала распадаться по мере зарождения частной собственности. В период рабовладельчества и в эпоху феодализма — создавалась и впоследствии окрепла семья единобрачная, построенная на «единоженстве и единомужестве». Переход от случайной семьи к единобрачии был вызван, конечно, не любовью, как это выдавалось господствующим

щими классами, а в первую очередь хозяйственными причинами. Рабовладельцу и феодалу нужен был один потомственный наследник богатства. В Англии (в отдельных местностях) и до настоящего времени сохранился обычай оставлять наследство старшему сыну.

Женщина начала терять свою самостоятельность. Муж, будучи организатором хозяйства—собственником, постепенно подчинял жену под свою влияние, ставя ее в рабское состояние. С этого момента женщина утратила всякую роль, которую она занимала раньше в общественном хозяйстве. При этой системе связей, брак был построен на закабалении женщины. Муж мог бывать на свободе, гулять, проводить в обществе время, развлекаться, а жена, как какое-то лакомство, хранилась в гаремах, была на замке. У римлян, в период господства Рима, жена жила совершенно взаперти, служила для мужа экономкой, да иногда, как по штату, отдавалась ему при первом его желании. Незамужняя девушка жила в полном заключении. Жена рабовладельца окружалась рабынями, отделялась от общества. В случае прихода к мужу гостей, она немедленно удалялась в свои покои. С этого момента женщина окончательно превратилась в предмет полового удовольствия мужчин.

Это впоследствии укреплялось путем специального выхаживания у женщины «нежности», «женственности»—в гаремах, всецело превращая женщину из «человека» в аппетитное в половом отношении существо.

Феодальное общество воспитывало мещанина-собственника, смотревшего на все с точки зрения только собственного я. Мещанин-феодал стал рассматривать свою жену, как собственность, собственную вещь, принадлежащую только ему одному.

Единобрачное половое сожитие строилось внешне на взаимной любви, на супружеской верности и т. п. Но и в этом отношении мы видим полнейшую маскировку. Взять древний Рим. Здесь мужчина требовал от жены верности, развратничая в то же время сам.

Этот римский гетеризм перенесся впоследствии и на феодальное общество. Если посмотреть на семью в феодальном обществе, то здесь мы видим, что основа сожития заключается в хозяйственной выгоде. Невеста для дворянина та, с которой в придачу дается приданое. Всю эту торговлю феодальное общество прикрывало сказками о вечной любви и о вечной верности. Поэзия, беллетристика оправдывает эту позорную торговлю, оболачивает ее идейной скорлупой. Мужчина внешне до замужества соблюдает целую серию приличий, ухаживанья, объяснения в любви и проч.

Все это ложь и обман. На деле же выходило совершенно по-другому; родители делали сделки помимо невесты, выдавали замуж из-за экономической выгоды, знатности, карьеризма и т. п.

Женщину в буржуазном и феодальном обществе окружает почет, ухаживанье, уважение к ней, рукоцелование, воспевание божественной женственности и прочие сентиментальности, но, несмотря на это, женщина всетаки остается рабой, собственностью мужчины, постельной принадлежностью, матерью, хранительницей семейного очага.

Муж, требуя от жены безусловной супружеской верности—сам развратничает.

Храня своих дочерей, оберегая их целомудрие, помещик насилует десятками крепостных девушек, имея с ними половую связь скрыто от жены.

Возьмите семью буржуазного общества, она строится на единобрачии—«на любви», здесь мы наблюдаем также скрытый разврат, когда муж и жена, скрывая друг от друга, имеют любовников. Делают это таким образом, чтобы об этом только не знал «свет».

Буржуазия, разукрашивая внешне женщину, воспевая в поэзии ее красоту, женственность, фактически поставила женщину в скотское положение. Женщина из члена трудового коллектива превратилась в объект половых страстей.

«Цивилизованная госпожа»,—говорит Энгельс,—окруженная внешним почетом и отстраненная от всякого производственного труда, занимает более низкое положение в обществе, чем в поте лица работающая жена варвара,—настоящая госпожа своего дома».

Вот вам вся мораль и любовь прогнившего феодально-буржуазного общества.

Эпоха римского господства, наряду с укреплением внешнего единобрачия, создавала проституцию,—половой разврат мужчин, превращая жену в домашнюю узницу.

А половая мораль феодального общества.—Она распространялась только на господствующий класс. Помещики, требуя от своей семьи, от своих дочерей и жен честности, верности и проч., сами занимались растлением малолетних крестьянских девочек. Здесь мы не видим также идеальной любви и верности.

Взять магометан. В период татарского ига хан Батый имел больше 300 жен, содержал их и имел с ними половую связь. Восточные правители также в своих гаремах держали десятки жен для любовно-половых наслаждений. Этот период можно отнести к окончательному упадку женщины в обществе.

Капиталистическое буржуазное общество—наиболее развратное, как в данный момент отгнивающее, и наиболее жадное,—вступило на новый путь полового разврата. Оно создало своей системой производства—армию проституток. Современный буржуа очень расчетлив, он не строит гарем, не содержит десятки

жен, а устанавливает полную свободу любви. Он покупает женщину на ночь или на час, платит ей деньги и больше ни о чем не заботится, жива ли его партнерша, родила ли она, заразил ли он ее венерической болезнью. Он рассуждает так: я заплатил деньги, купил ее, а остальное до меня не касается. Буржуй, мещанин к этому добавляет: что вот, у меня деньги, я богат, поэтому все могу купить.

Буржуазное общество опошило женщину, выдумало сверх-человеческие половые наслаждения, оно видит в женщине не человека, а вещь, предназначенную для полового употребления. Капиталисты, не находя покоя от безделья, тунеядства, создали тысячи проституток, оформив существование их законностью. Буржуазия в своей морали не клеймит позором, а оправдывает тех, кто прибегает к услугам проституции.

Если взять буржуазную семью, в ней мы видим только внешнюю благородность. Внешние почести, унижение мужчины перед женщиной, чем прикрывается разврат, проституция, половая распущенность. «Муж» смотрел на жену только как на самку, дающую ему потомственного наследника. Вся их «вечная любовь» превращалась в обман и лицемерие.

Я добавлю еще несколько слов относительно форм мещанства и распущенности. Посмотрим, как они исторически складывались. Начиная от единобрачной семьи, от отхода женщины от производства, от участия в хозяйстве, она превратилась в игрушку, в вещь для мужчины. Мы видим, как только замечались общие проблески общественного подъема, например, в 60—70 годах, так начинает изменяться отношение к женщине, растет уважение, по крайней мере в передовых массах. Тут начинается преувеличение, которое изображено в романе Чернышевского: «Что делать?».

Теперь возьмем 1905 год. Здесь мы видим ликвидацию крепостнических отношений к женщине. А если взять 1908-9 г., — что было по отношению к женщине? Был общий порыв грубого скотства, арцыбашевщины, санинщины, которое отразилось на женщине.

Взять нашу революцию, она сделала большое движение по раскрепощению женщины и вывода ее из поставленного буржуазией скотского положения. Мы имеем сейчас юридическое и фактическое равноправие женщины. Но мы имеем также и много извращений, неправильных понятий нашей половой морали. Революция, разрушив старое, не успела еще создать, укрепить новую мораль пролетариата. Иногда под видом новой, как бы нашей, — некоторые товарищи пытаются протаскать старую отгнившую моралистику. Взять коллонтаевский «Крылатый Эрос», «Любовь пчел трудовых», — это замоскиро-

ванная полубуржуазная теория и практика разврата, которую предлагает тов. Коллонтай нашей молодежи, выдавая это скотство за любовь.

ЧТО ТАКОЕ ЛЮБОВЬ

В основе любви лежит несомненно половое влечение.

Как же мы понимаем любовь и существует ли она вообще?

Конечно, существует. — Только не такая скотская, которую проповедывала буржуазия.

Любовь к женщине мы понимаем как товарищеское отношение к ней, построенное не только на половых связях, но и на товарищеском союзе в совместной работе и борьбе.

Если раньше буржуазия и помещики считали слово и само понятие любовь, как какую то сверх-естественность, при которой мужчина должен елозить на коленях до женитьбы, превращать женщину в святость, нежность и т. п., то мы теперь это отвергаем. Любовь — это есть честное товарищеское и половое взаимоотношение между девушкой и парнем или же супругами.

Никакой вечной, чистой, идеальной и неполовой любви нет и быть не может.

Мы проследили весь ход исторического развития семьи и половых отношений и нигде не видали ни одного факта, когда бы семья и половая связь строились на той любви, которую так возносит буржуазия и помещики.

Фридрих Энгельс, это целиком подтверждает. Он говорит *): «Как мало причастна установлению единобрачия индивидуальная половая любовь в теперешнем понятии этого слова».

Теперь, уяснив значение любви в нашем смысле слова, мы должны дать ответ, как же должна строиться семья и любовь. Можно ли нам придерживаться теории т. Коллонтай — любви трудовых пчел и крылатого Эроса?

Конечно, нет!

Мы должны добиться в нашей семье продолжительности, постоянности. Это, конечно, отнюдь не значит, что мы должны говорить о вечности брака. Ясно, что если у нас строится семья исключительно на товарищеских началах, то насильно волю одного из супругов ни в коем случае нельзя. В этом отношении должна быть полнейшая независимость. Но нужно добиться, чтобы это не извращали, не поняли так: раз свобода, то валяй подряд, сегодня с одной, завтра с другой. Если

*) Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Стр. 14.

молодежь будет так смотреть на свободу семейных отношений, то она целиком будет проводить точку зрения буржуазии, только в наиболее открытой и прубой форме.

Как же должна строиться наша семья?

В первую очередь—на основе взаимного уважения, однородного взгляда на политику и семью, при неизменном соблюдении в этом случае и законов физиологии.

Если же мы будем проповедывать перелетную «любовь» на подобие «крылатого Эроса», это значит, что мы не освобождаем женщину, а подчиняем ее всецело грубому, нездоровому половому разгулу, аналогичному буржуазной морали.

«Мы не можем предугадать формы коммунистического общества. Правда, мы видим, что «любовь»—привязанность друг к другу, она сохраняет максимум работоспособности, нам нет дела, как разрешится этот вопрос в коммунистическом обществе, но мы должны сказать, что такое общение заставляет женщину отставать в развитии, нарушается активность. В результате мы не освобождаем женщину, а туманом ее более» (Каутский).

Тов. Круцкая по поводу оклада семьи в настоящий период говорит следующее: «Семья члена партии должна быть в известном смысле ячейкой содействия. Это должна быть такая группировка товарищей, когда один в семье живет приблизительно так же, как он живет и вне семьи, и все члены всей своей работой и жизнью должны представлять нечто похожее на ячейку содействия. Это то, к чему мы должны стремиться».

Какое же должно быть поведение супругов?

Конечно, честное, товарищеское. Этого можно добиться тогда, когда мужчина будет смотреть на женщину как на товарища в работе и в жизни.

Может ли один из супругов иметь половую связь с посторонними и как на это должна смотреть вторая сторона? Некоторые после таких фактов затевают скандалы, семейные сцены и т. п. Это неверный подход. Нужно эти моменты рассматривать или с точки зрения распушенности, или же просто как физиологическое неудовлетворение. В этих случаях, когда муж или жена начинают развратничать, «крутить»—самое лучшее немедленно разойтись без всяких скандалов и сцен. Мне приходилось слушать, как молодежь называет мещанином человека, протестующего против половой связи его жены с другими лицами, говоря, что это не по-коммунистически.

Это неверное обвинение в некоммунистичности. Раз сошлась пара по согласию на основе товарищеских и физиологических отношений, то зачем же этот разврат? К чему вести

половую распушенность? Да здесь еще есть опасность занести венерическую болезнь второму супругу, ведущему нормальный образ жизни.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ДЕВУШКАМИ

Во взаимоотношениях с девушками у нас также очень много ненормальностей. Эти ненормальности в первую очередь относятся к мещанскому подходу ребят к девушкам. Мещанство заключается в том, что в большинстве случаев парень пока подходит к девушке только как к женщине, но не как к товарищу; это наблюдается даже и среди комсомольцев. Взяв такой пример. На одном собрании ячейки РЛКСМ мне пришлось делать доклад о быте. После доклада один комсомолец задает вопрос: «сколько раз в неделю можно употреблять женщину?» Вы видите—какой подход. Комсомолец смотрит на девушку, на женщину, просто как на вещь, как на половую тряпку или щетку, которую можно употреблять. Этот подход есть скотский, мещанский, но не товарищеский.

Многие товарищи хотят установить какой-то катехизис, какую-то норму половой связи. Например, в Ульяновской губернии комсомол издал кодекс половых отношений, где указывает, сколько-то раз в неделю можно иметь половую связь, и т. д. Это глупость.

Как же мы должны регулировать половые отношения молодежи?

Прежде всего нужно изжить эгоизм ребят и мещанское отношение к девушке. Если мы этого добьемся, то мы наладим и правильные взаимоотношения полов.

У нас до настоящего времени подход к девушке остался старый—покрутить, затянуть девушку, обольстить, пользуясь ее доверчивостью—использовать в половом отношении и после этого постараться благополучно—героем—выбраться из всей этой любовной переделки.

В чем может проявляться мещанство во взаимоотношениях с девушкой? В том, что парень когда думает использовать девушку в половом отношении, не видит в девушке человека. Он просто девушку обманывает, врет, применяет все уловки, чтобы добиться своего, а после этого он не думает, что будет с девушкой, не беспокоится о том, что она забеременела, должна делать аборт, болеть женскими болезнями и т. д., а постарается отделаться,—это, говорит, дело не мое. Вот в чем варварство, мещанство и подход буржуа. Здесь уже с девушкой не считаются, как с товарищем, а ставят ее в такое же положение, как ставили и ожиревшие купцы, буржуи своих подчиненных и кулленных женщин. Вот с чем должен бороться комсомол.

Девушки сами должны сбить с себя маску самки, перестать искусственно разжигать половые инстинкты у ребят всевозможными ажурными и кисейными одеяниями, пудрами и красками. Современная рабочая и крестьянская девушка должна быть чистой, опрятной, но ненамазанной всевозможной штукатуркой, ибо последним она напоминает гаремную женщину-самку.

Как же мы должны смотреть на половую связь до брака? Обязательно ли целомудрие для ребят и девушек до брачных взаимоотношений?—По моему—да. Но здесь есть большие трудности не только потому, что это вредно с точки зрения медицины, как это часто раз'ясняют невежды, а потому что в настоящих условиях молодежь, будучи на учебе, в армии, исполняя целый ряд парт. обязанностей, связанных с перебросками и т. д., не может в полном смысле вступить в постоянное сожителство.

Поэтому парень живет с девушками примитивно. Этот подход ведет не только к разврату, но несет с собой еще целый ряд последствий, как-то: заражение венерической болезнью, беременность, аборт и т. п.

Нужно еще поставить условие, для кого и каких возрастов можно допускать половую связь.—20-летний парень в половом отношении созрел. Вступить сейчас в брак он не может, предположим, благодаря нахождению в армии, учению и т. д. Как же быть? Потребность половая есть. Всевозможные рассказы товарищей, литература, девушки, танцы, все это искушает его. Он не находит выхода. Ити к проститутке—преступление. Заняться онанизмом—значит рисковать последствиями (сумасшествием, расслаблением нервной системы и т. д.). Как же быть? Здесь нужна честность парня, чтобы действительно искренне сойтись с девушкой. Я не ставлю обязательно понятие брак—под официальную расписку, а понимаю это только с точки зрения хранения товарищеской искренности, честности. В этом случае нужна большая осторожность девушки, знать с кем имеет дело. Часто ребята гуляют с девушками с исключительной целью—использовать, обвести, под видом немещанства—провести самое закорючалое «мещанство».

Как смотреть на официальное оформление брака? Нужно ли расписаться? Безусловно. Раз мы живем еще в переходный период, где нужна законность, то распись необходима. Но мы отрицательно смотрим на фетишистский отживший порядок, когда женщина должна отдаваться мужчине только после расписки. Эта казенщина напоминает дикость, рабство, старую торговлю женщинами, когда рабовладелец покупал женщину, и через час-два имел с ней сношение по праву ему принадлежности, как вещи. Так и у нас дикость еще сохранилась.

Сходили, расписались, справили ком-свадьбу, «законный муж» предъявляет законные права, раз, моя,—«ставь на кон»... Половая связь до расписки не обязательна, если пара глубоко убедились в себе и не предвидится обмана ни с той, ни с другой стороны.

Как же мы должны относиться к разврату и проституции? Осуждать. Изгонять из своей среды. На парней, прибегающих к проституции, мы должны смотреть, как на самых злостных проститутот.

«Беспорядочная половая жизнь несомненно ослабляет каждого, как борца. Во-вторых, несмотря на то, что область эта вполне законная, что мы не аскеты, проповедующие воздержанность, отказ от каких-бы то ни было радостей жизни, но мы говорим, что между нами должна быть такая пропорция, которая все-таки в основе оставляет человека борцом, а вот большое разнообразие в этой области слишком много силы, ума, чувства должно отнимать у человека» *).

Особенно нам нужно об'явить борьбу с половыми связями в раннем возрасте, потому что ранняя половая связь подрывает неокрепший организм, развивает опомную половую потребность, тем самым распыляя у молодежи силы, вместо употребления их организмом на рост и укрепление. Особенно вредна половая связь в раннем возрасте в смысле ослабления памяти и умственных способностей—это целиком относится и к онанизму.

Часто девушку ребята просто обманывают, запугивают ее мещанством, если она отказывается иметь половую связь с парнем. А девушка иногда, чтобы онять с собой это «пятно», попадает на эту удочку. Наоборот, чем выдержаннее девушка, тем меньше в ней мещанства и больше к ней уважения со стороны ребят. Если же девушка развратничает, то взгляд на нее просто, как на игрушку, которая позволяет допускать связь с каждым встречным.

С развратом мы должны бороться и потому, чтобы сократить смертность и заболевание девушек от аборт. Ведь аборты в большинстве случаев среди девушек являются результатом обмана со стороны парня, когда парень, использовав девушку, бросает ее и она, опасаясь плохой судьбы ребенка, с одной стороны, и внешнего позора—с другой, делает аборт.

Наша свободная страна должна сократить количество аборт до минимума. Этого можно достигнуть, отчасти и тем, когда ребята будут подходить к девушке, как к товарищу, чего пока нет.

*) Сольц. О парт-этике. Стр. 18.

Количество аборт в нашей стране растет. Аборты начали проникать в деревню. Правда, количество аборт в СССР гораздо меньше, чем в буржуазных странах. Из общего количества приходящих больных с абортами у нас было в 1900 году (по одному учреждению)—8%, в 1919 г.—18,2%, в 1922 году—30%.

В буржуазных странах в год количество аборт равняется:

В Париже—100.000, в Нью-Йорке—80.000, в Вене—14.000, в Берлине—10.000.

По Москве: в 1911 г.—1.531, 1913 г.—2.372, 1921 г.—1.884, 1922 г.—6.850 *).

В Ленинградских больницах мы имеем такие цифры после революции: за 1919 г.—1.274, 1920 г.—1.460, 1921 год—2.134.

В общем из этих цифр видно, что во всех буржуазных странах количество аборт выше, чем у нас. Нам нужно сейчас изжить аборты среди комсомолок. Комсомолы особенно должны помнить, что каждый случай полового разврата, каждый обман девушки будет отражаться на рабочем классе, на его нравственности.

В заключение скажу насчет «ухлыстывания» нашими комсомольцами за мещанками, за лицами из чуждого класса. Например, в Усть-Медведицком округе Царицынской губернии, это «ухлыстывание» превращается прямо в эпидемию. Комсомолы, особенно активисты, женятся на дочерях атаманов, белых офицеров и т. д. Этому нужно объявить борьбу. Нам нужно подходить к подбору не только с точки зрения внешней красоты, но и политических взглядов, развития и т. д. Мы никак не можем понять, что может быть общего у активиста, члена РЛКОМ, с мещанкой, наеманкой. Здесь подходят исключительно с точки зрения внешней привлекательности, с точки зрения «тела». Этот подход не пролетарский, подход чисто помещичий и буржуазный, когда разжиревший буржуй от безделья доходит до разных форм полового извращения. Он требовал, чтобы даже «ножка», ручка женщины разжигала в нем половую страсть.

Очень метко по этому поводу сказано т. Сольцем: «Довольно значительное количество членов партии, занимающих более или менее ответственные места, берут себе жен из чуждого класса (наемановских, поповских, генеральских, б. чиновничьих дочек и т. д. С. III.). Я к этому вопросу подхожу, прежде всего, с точки зрения эстетики, с точки зрения красоты, и нахожу, что у этих людей очень дурной вкус. Этот дур-

ной вкус в том заключается, что вот это должно быть воспринято так, как раньше в прежнем обществе представляли себе женитьбу графа на горничной».

Да это не только потому, что нам, как господствующему классу, неудобно связываться с этой отживающей сворой, а потому, что связь комсомольца с дочерью полковника, попа, или наемана приводит к влиянию на комсомольца. Он постепенно подражает ее привычкам, она прививает ему свои взгляды. Поэтому нам нужна не только красота физическая парня или девушки, но и красота внутренняя. «Никогда один физиологический акт сам по себе удовлетворить действительно сознательного мыслящего человека не может».

В браке комсомолы должны брать пример с Владимира Ильича Ленина. Он прожил почти 30 лет с Надеждой Константиновной и более счастливый брак трудно найти. Это был настоящий союз двух товарищей, связанных общей работой, общими целями, союз, основанный на полном, безграничном уважении и настоящей любви друг к другу, прежде всего, как к людям и товарищам (там же) ²⁾.

Теперь, нужна ли женственность? Некоторые девушки извращают понятие о женственности. Часто меняют внешнюю форму, курят, меняют голос, подражают ребятам и т. д. Это неверный взгляд. Женственность должна оставаться. Мы не знаем, в какой тип сложится женщина в будущем коммунистическом обществе, поэтому извращать себя, перекраивать поверхностно,—это грубейшая ошибка. Мы отвергаем пудру, намазку, краску, маникюры, но оставляем чистоту, опрятность и порядочность девушки. К этому типу девушки должна стремиться каждая работница и крестьянка.

Вот если молодежь будет проводить все затронутые нами принципы, то мы будем приближаться к здоровому нашему семейному и половому быту.

МЕЩАНСТВО И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

Рабочая молодежь часто употребляет слово «мещанство», но не всегда она точно понимает значение этого слова. Приходилось слышать, когда молодые ребята, особенно комсомолы, называют мещанином парня, ухаживающего за собой в смысле соблюдения чистоты, ношения прически и т. п. Это, конечно, не есть мещанство. Основа, корень мещанства кроется в индивидуализме, в частной собственности, в полной изолированно-

*) Цифры взяты из доклада т. Ярославского на Пленуме ЦКК.

*) Лядов. Вопросы быта. Стр. 27.

сти от общественных интересов и общественной жизни. От этого основного и идут уже отrostки—проявления различных форм мещанства.

Следовательно, мещанином можно назвать человека, для которого кроме его собственного «я» ничего не существует. Он рассуждает так: «Вот мой домик, мои деньги, моя скотина и т. д., и сохрани сила, если кто попытается претендовать на мою собственность». Это такое «животное», для которого мира не существует; для него, хоть провались сквозь землю все человечество—он и глазом не моргнет, скажет: «слава тебе, добрый господи, что сохранил меня».

Основной закон в жизни мещанства—это косное консервативно-догматическое правило поведения, внешнее приличие, которое заведено еще предками.

Мещанин родился после распада родовой общины, при появлении на сцену жреческого и патриархального сословия.

Мещанство укреплялось десятками столетий. Особенно мещанство укрепилось в период развития кустарничества. Каждый кустарь, вырабатывая товары, отделился от коллектива, округляя свое хозяйство. Частная собственность явилась базой, на которой выросло и укрепилось мещанство. Мой дом, моя жена, моя мастерская, мой рынок. Все это приводило к тому, что мещанин-собственник смотрел на весь мир с точки зрения своего благополучия, с недоверием относился ко всему окружающему. Он добился того, что его частная собственность была оправдана законностью, правом неприкосновенности. Здесь и явилось государство, которое регулирует отношения этого общества, бережно охраняя принципы священной частной собственности. Мещанство укрепилось и сохраняется даже сейчас, несмотря на расцвет индустриальной промышленности. Раскололось мещанство еще до революции в период выхода на общественную арену крупной буржуазии. Крупный буржуа утончил мещанство, облек его романтикой, поэзией и т. п.; но корень остался тот же. Крупная фабрика, в которой концентрировались тысячи рабочих, поставленные в одинаковые отношения и условия, подмывали это мещанство. Рабочий с появлением фабрики стал резко отличаться от кустаря—мелкого собственника.

Буржуазное государство всеми силами и способами охраняло мещанские устои. Например, в Иваново-Вознесенске в прошлое время капиталисты не строили казарм или общежитий для жизни рабочих, а, нанимая рабочего, кредитовали его деньгами на приобретение избушки, закрепляя его на долгое время к себе, к своей фабрике, беря его в экономическую зависимость, развивая в нем инстинкт частного собственника.

Но это не помогло. Крупное производство, вопреки этому искусственному навязыванию домашнего очага, брало верх. Рабочий больше воспитывался на фабрике, чем в семье. Одинаковость интересов у рабочего на фабрике с другими рабочими создавали из него коллективиста.

Поскольку жизнь рабочего зависела от фабрики, на которой он работал, где нет гарантии в постоянности или продолжительности работы, рабочий уже в отличие от кустаря-ремесленника не мог иметь определенного очага; его жизнь, как и всех рабочих, стала зависеть от законов капиталистического общества.

В отношении семьи мещанские устои также пошатнулись. Последние достижения техники позволили работать в производстве не только квалифицированным рабочим, женщинам и детям. Здесь уже мы видим, что «глава» семьи утратил верховность, поскольку не он один являлся содержанием семьи.

Но внутренне мещанство, отдельные привычки и выходы, сохранились у нас и до сего времени. Собственное «я» еще стоит над коллективом. Стремление показаться, отличиться, блеснуть—еще целиком сидит в каждом. Это зло нами унаследовано от старого буржуазно-помещичьего общества. Мещанство впитано в каждого с молоком матери. Взять воспитание. С малых лет ребенка приучают: «Будь счастлив, старайся выйти в хорошие люди». Все это толкает ребенка выделиться от общей массы и сделаться «счастливым»—именно ему, а не его сверстникам. В буржуазной школе мы также наблюдали различные соревнования, стремления выскочить, показаться. Старая школа вводила отметки за уроки учеников. Все это воспитывало индивидуалистов-мещан, стремящихся опередить своих товарищей.

Сейчас новая школа ломает эти устои; особенно школа фабрично-заводского ученичества, где производится коллективная работа, разделение труда, где каждый ученик не может сказать, что он сделал такие то вещи, например, трактор или паровоз. Каждый знает, что этот паровоз прошел через сотни рук и сделали его не один, не двое рабочих, а вся масса общим трудом. В этих случаях мы наблюдаем постепенное изживание индивидуализма.

Школа фабзавуча, наряду с воспитанием и обучением ученика, должна ставить себе задачу в первую очередь выпустить будущего коммуниста с новой психологией. Все это позволяет рабочему, находящемуся в особых экономических условиях, отделяться постепенно от мещанства.

Но в среде чужих нам слоев—напманов, «бывшего порядочного общества»,—это мещанство углубляется, принимает другие формы, старается приспособиться к ходу событий. Ка-

койнибудь заядленный, паршивенький интеллигентшишка, попавший в ВУЗ, никак не может сравнить себя с рабочим парнем. Собственное «я» у него на первом месте, хотя он и кричит о пролетарском студенчестве, и на собраниях заявляет: «мы кровь от крови, плоть от плоти рабочего класса».

Взять даже такой пример. Попадают два молодых парня в ВУЗ; один из них рабочий рабфаковец, другой бывший маменькин сыночек-попович или дворянин. Что же мы видим? Рабочий парень ходит все в той же форме, с тем же видом также просто подходит к ребятам и в общем ничем внешне не изменяется. А интеллигент-мещанин, не дождавшись еще ученья, не побывав ни разу на уроке в ВУЗ'е, сейчас же напяливает форму, кокарду, внешне преобразовывается и с глупой улыбкой на скорченной от радости физиономии, воображает: «Вот, мол, до чего я достучался, ко мне не подходи, я умный стал—ученый». Между прочим эта зараза передается и некоторым рабочим.

Комсомол этому должен объявить борьбу. Пролетарское студенчество должно быть пролетарским, чистым, опрятным, но не пустыми куклами, обвешанными блестками, пуговицами и кокардами.

А то бывают еще и такие случаи. Дочери мещан, наimanов, получившие раньше среднее или высшее образование, смотрят часто на комсомолок с иронией: «вот, мол, хоть она и комсомолка, а невежда, мало ученая, грубая, а я, мол, ученая, грамотная, начитанная и т. д.». Особенно эти барышни обращают внимание на произношение слов нашими комсомолками. С удивлением смотрят на простые товарищеские отношения девиц комсомолок с ребятами. Себя считают умными, приличными. А если посмотреть ближе, что из себя представляют они в действительности, то мы увидим, что все эти «порядочные» барышни, несмотря на то, что они вызубрили много книг, являются пустыми размазеванными куклами, которые не могут связать свои знания с работой. Это внешнее приличие, этот гонор индивидуализма, внешний блеск и внутренняя бессодержательность—есть основа мещанства в среде молодежи.

Всем ясно, что такое мещанство вообще. Теперь старое мещанство начинает маскироваться под новый стиль. Новая экономическая политика, мирное развитие страны, отсутствие фронта—все это дает возможность пронырливой мещанской своре пристраиваться к профсоюзу, комсомолу и даже партии. Старый мещанин старается втереться в эти организации, попасть на содержание к господствующему классу. Приведенное нами письмо студентки показывает, как интеллигентка

комсомолка, написавшая письмо в Москву своей подруге, говорила ей: « выступи в комсомол, ты будешь веселее, и у тебя будет гарантия окончить школу». Вот вам наглядный пример, как рассматривает омоложившееся мещанство напугу классовую организацию. Мещане сменили вехи, их словесная замкнутость внешне якобы исчезла: они бывают на собраниях, выступают, изрекают зазубренные истины. Здесь перед комсомолом стоит большая задача выловить этот элемент и изгнать его беспощадно из своих рядов.

Кроме этого у нас постепенно начинает замечаться, если можно так условно выразиться, рост и «коммунистического мещанства». Этот рост идет в первую очередь по линии хозяйственного обрастания некоторых хозяйственных работников, членов РКП(б). Отдельные коммунисты хозяйственники, живя в окружении напуга, получая солидное содержание, часто в своей личной жизни подражают жизни старых чиновников. Вот перед нами семья, состоящая из 6 человек. Старший сын-коммунист с женой, отец, мать и два брата-комсомольца. В прошлом году—старший—содержатель семьи был переброшен в Москву на хозяйственную работу. Проработав около 3-х месяцев, укрепился, что называется, на месте и начал постепенно перетаскивать свою семью в Москву. Сначала старшего брата,—устроил его на работу, затем второго брата и наконец отца, которого тоже устроил на службу; одним словом через протеже устроил всю семью. Дальше он начинает прочно укрепляться в Москве. Братья вступили в комсомол, чтобы гарантировать себя от сокращения. Отец—старик—в ленинский набор вступает в партию. Для жены он ищет, с ног сбиваясь, рекомендации для «определения» ее в партию. Дальше начинается обрастание. Сперва он расширяет себе квартиру, подает заявление в жилтоварищество об увеличении площади. Добился 2-х комнат. Затем начинается обставление квартиры—появляются ковры, мягкая мебель, гардероб, трюмо. Нанимает прислугу. Но это не все. Нужно, чтобы марку, свой билет и формальную принадлежность к партии подтвердить какой-нибудь внешностью. Тут уж он начинает маскироваться—одевает свое мещанство в революционную скорлупу. Покупает бюст Ильича, вешает портреты вождей, на столе у него книги Маркса, Ленина—правда, лежат еще неразрезанными. По вечерам он и жена увлекаются романами, а политкнижки для жены служат копилкой. Она в них прячет деньги от мужа, на всякие свои туалеты.

У них же по всем большим праздникам бывает прием гостей в гостиной. Приделан звонок в комнату прислуги, которая вызывается в зал и при появлении обращается к хозяину: «Что вам угодно, барин?». Последнего «барин» как будто бы не замечает.

При попытке доказать им, что это мещанство, сейчас же начнут оправдываться. Отец говорит: «Я тоже имею революционные заслуги—меня в 1905 году казак два раза урезал плеткой». Всю обстановку, мебель, трюмо и звонки эта семейка объясняет удобством.

Вот та язва, которая может заносить заразу в наши ряды. Этот факт отнюдь не единичен. Мещанство приспосабливается к нам, маскируется во внешнюю революционную оболочку. Эти мещане, как я уже говорил, нового типа, мещане, которые ходят на собрания, делают доклады, говорят об этике. Раскусить его гораздо труднее, чем старого грубого мещанина.

III. СТАРЫЙ И НОВЫЙ БЫТ

(КАРТИНКИ БЫТА)

Обстановку дореволюционного периода можно характеризовать таким образом: 1) все основано на частной собственности; 2) система производственных отношений создавалась на эксплуатации чужого труда, с целью получения капиталистами наибольшей прибыли; 3) каждый фабрикант считал себя выше всей «черни» (рабочих) и организовывался с другими капиталистами в обособленную высшую группу; 4) фабрики и заводы служили средством выжимания прибыли из рабочих; 5) некультурность, заботность и бесправие одураленных религией рабочих.

Получаемая прибыль целиком шла в карман владельцев предприятий. Легко доставшиеся деньги разматывались на все четыре стороны. Пуневидческая жизнь капиталистов порождала разврат, пьянку, балы, картежные игры. С другой стороны в обществе царил нищета, безработица, проституция и воровство. Капиталисты вокруг себя создавали десятки паразитов-бездельников: попов, целые штаты духовных консисторий и певцов в кабаках. И все это в то время, когда от голода истощались сотни тысяч рабочих. В производстве царил произвол над рабочими. Фабрика была не оборудована, гигиена не соблюдалась, незащищенные машины ежедневно напоминали рабочему о гибели.

В фабричной жизни стояла стояла площадная ругань, как результат негодования и дикой злобы замученных капиталом рабов-рабочих. Культурно-просветительных учреждений при фабрике не было и в помине. Рабочий, работающий по 12 час. в сутки, чувствовал себя кругом одиноким. Не было профсоюзов, касс взаимопомощи, и рабочий был беспомощным в борьбе за существование. Рабочие не могли читать газеты, да и читать в них было нечего, ибо печать находилась целиком в руках буржуазии.

Кроме шкон в углах коридоров фабрики, рабочие ничего не видели. Это напоминало каждому казенные казармы и тюрьму, а не фабрику, как общественное предприятие.

Внутри фабрики происходило резкое деление на рабочих и служащих. Директор считался неприступной фигурой, от которого зависело пребывание любого рабочего и служащего в предприятии. В самой рабочей среде было резкое разделение на мастеров, десятников, чернорабочих и учеников.

Хозяева, путем подкупа вершущих рабочих, старших мастеров, десятников, шпионов и т. п. старались искусно насадить вражду между рабочими.

Подростки в производстве были рабски угнетены самими несознательными рабочими, которые смотрели на подростков как на конкурентов, мешавших проводить требования рабочих, ибо капиталисты всегда говорили бастующим рабочим, что вместо забастовщиков наберут мальчишек. Это и было возможно при развивавшейся технике производства и ослаблении нужды в глубокой квалификации и долготелней выучке.

Обучение подростков происходило под угрозой зрения эксплуатации подростка и использованием мастером в личных интересах: посылки по личным надобностям за водкой, обедом и т. д.

Продолжительность рабочего времени, отсутствие достаточного питания, вследствие низкой заработной платы, превращало подростков в слепой придаток машины. Негражденные машины очень часто втаскивали подростков, калеча их. Иногда несчастные случаи оканчивались смертью. Подростки и юноши не видели никакого воспитания. Они не имели даже возможности ликвидировать свою техническую безграмотность.

А какова была обстановка в семье и вне предприятия? Прежде всего чувствовалось резкое порабощение женщины. Измученный 12-часовой работой, рабочий приходил домой и срывал свое недовольство, гнев и жалобу на первопопавшихся. Первопопавшимися, конечно, прежде всего были жена и дети. Пообедавши, рабочий скучал, ложился от усталости спать, или отправлялся в кабак. Кроме итти было некуда. На фабриках клубов для рабочих не было. Вся жизнь рабочего была окутана сетью николаевских казенок и шинков, в которые и шел он, забывая про все. Здесь он сам себе господин, и чувствует себя счастливым и спокойным. Вот пример. В гор. Пензе, на Подгорной ул., где находится спичечная фабрика, всегда кучились кабаки, шинки и пивные. Бывало, приходят рабочие в шинок—поведут разговоры, споры: кто смелее или кто сильнее. Эти споры обязательно кончались скандалом, а скандал дракой. Были и такие рабочие храбрыки (некто И. Г. Т.): бывало придет к Дуньке шинкарке, пускается в слезы, жалуется на судьбу, а спустя полчаса выпивши заводит скандал, спор, вызовы на борьбу, поднимает до носу рубаху, заголит пузо и со слезами пристает к рабочим: «На-те зарежьте меня». Конечно, все это делалось не от добра.

Между прочим, этот самый рабочий после революций благодаря клубу, полит-кружкам, спектаклям, стал очень дельным парнем. Прежде всего научился читать, хорошо писать,

играет в клубе в качестве любителя. Сейчас является лучшим мастером из всей фабрики. Регулярно читает газеты, кое-что маракует иногда в политике. Такое преобразование произошло в течение каких-нибудь 4—5 лет.

Раньше рабочего, как в фабрике, так и вне ее, кругом окружала религия. Рабочий, будучи угнетен, чувствовал себя одиноким, имел надежду только на сверхъестественную силу, на бота. Этим пользовалась поповская свора, которая еще больше разоряла рабочего, таща с него последние гроши за требы.

ЖИЗНЬ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Бывало, приходит рабочая молодежь с фабрики. Куда итти? Рабочих клубов нет, клубы буржуазии и интеллигенции для них закрыты. Ходить в театры, в кино—нет денег. Зимой по субботам рабочая молодежь идет в церковь ко всеобщей, конечно, не молиться, а увидаться с девушкой. Подростки возраста 15—16 лет ходили в церковь похутитанить и подражаться. В праздничные дни собираются ребята у товарища. Пойдет игра в карты.

Вот живые факты, с которыми мне лично приходилось очень близко соприкасаться.

На краю гор. Пензы расположена Подгорная улица. Подгорной она зовется потому, что с трех сторон—севера, запада и востока—она окружена горами. В улице насчитывается 150 домов. Население в ней таково: 50% рабочих, 10% мелких служащих, 5% торговцев и остальная часть падает на извозчиков, ломовых и кустарей. На конце улицы расположена спичечная фабрика. На горах близко скучиваются фруктовые сады с соседних улиц: Тимаковки и Тамбовской.

Зимой, по окончании работы, вечером молодежь собиралась у некоего немощного портного В. В. Часам к 7-ми молодые парни затевали вульгарные анекдоты и так проводили время часов до 9-ти. В 9 час. отправлялись на вечер, устраиваемый девушкой или парнем, где происходили танцы, игры и т. д. Эти вечера почти никогда не обходились без пьянки, драк и картежных игр. Драки в большинстве случаев были на почве ревности и картежной игры. Не было ни одного вечера, чтобы не случалось драки или резни. На улице почти через каждые 10 домов натканы пивные и шинки, в которых молодежь очень «весело» коротала время.

Осенью и весной, по обыкновению, устраивались кулачные бои, которые созывались ежегодно на протяжении целых месяцев.

Среди ребят были определенные группы молодежи или даже отдельные личности, которые пользовались почетом и уважением у всей молодежи. Эти почетные ребята по обыкно-

вению являлись самыми отъявленными драчунами («духовые»), которые и являлись вожаками целых групп молодежи. Трусость считалась самым последним делом. Трусливый парень являлся посмешищем не только у ребят но и у девушек. Если девушка гуляет с «духовым» парнем, это уже для нее большая честь.

При чем «духовитость» заключается не только в хулиганстве на улице, но также и храбрости на работе. «Духовой» парень, как вожак молодежи, должен первым быть при забастовке, вывозке на тачке директора, при избиении и обругании городского; если этих качеств нет, то, значит,—парень трус.

По улице стоямя стояла поножовщина. Этому соответствовали и припевы, которые пелись молодежью под гармонь.

Нет такого духового,
Как Васютки Соколова.

В товарищеском отношении ребята были спаяны крепко только внутри своего района, чужих же из других районов, случайно попадавших на вечера, по обыкновению, избивали. В Подгорной улице духовым считался обойщик Соколов—парень, для которого ничего не стоило полыхнуть кого-нибудь ножом в бок.

Группа друзей строилась вне зависимости от работы. В нее входили рабочие, слесари, извозчики, поденщики и т. д.

Удивительно то, что в каждой улице в товарищеской группе обязательно был один парень для постоянного посмешища. Смеялись по обыкновению над физическими уродами или просто парнем чуть-чуть тронутым, с какойнибудь особенностью. В Подгорной, напр., постоянно смеялись над очень хорошим и смекалистым парнем, у которого просто чуть-чуть фальшивил глаз—над Алешкой Флоркой. Бедному прямо не давали жить, хоть никуда не выглядывай, ни в театр, ни на вечер. Если этого парня не было, то уже было 2—3 готовых заместителя, но чтобы не насмеяться, без этого было нельзя.

Как происходило веселье? Собирается вечер. Ребята, девушки начинают танцы, пляску. Тут уже «духовой» должен показать себя. Подходит к какомунибудь новенькому,—ни с того ни с сего полыхает в ухо, ну и началась заваруха-драка. После драки—миритесь. Победивший должен обязательно покупать четверть вина, все перебиваются, и тут же снова опять драка. Некоторые ребята смотрели на вечеринки исключительно, как на место драки и резни. Кроме этого, если перебиваются ребята, обиженные на хозяина вечера, то выбивают окна. Один парень при разговоре со мной заявил мне так: «А зачем тогда и вечера делать, если без драки».

Если заартачится девушка, не хочет танцевать с кемнибудь, сейчас же к ней меры воздействия—обидевшийся обязательно намажет ей лицо сажей.

А если девушка изменила парню, то неизбежно ей должна быть от этого парня порка, а, если изменила «духовому» парню—он обязательно должен выбить у нее окна. Это выражено даже припевами:

Окна бьют, летят стеклянки,
Палка Куцый бьет по пьянке.

Между прочим девушки, которых били, очень гордились этим, ибо это считалось первым доказательством любви и главным признаком уважения. Некоторые из-за этого нарочно доводили ребят до драки.

Лучшим парнем среди ребят слывет тот, кто имел половую связь уже с несколькими девушками. Парень, который ходил с девушкой около года и не имел половой связи, считался в товарищеской среде самым последним и никчемным человеком.

Девушки обыкновенно по этому поводу были осведомлены и научены со стороны родителей, чаще всего матери. Но они все-таки подходили к вопросу о половой связи очень наивно: стоило парню походить около 2—3 месяцев с девушкой, объясниться в любви, поклясться на церковь (что было самым убедительным для девушки),—и вопрос исчерпывался.

Парни всегда, конечно, до половой связи вралли, клялись, божились, убеждали, чуть не плакали, а как добивались своего, так «Миткой звали», постепенно остывали, а потом бросали гулять совсем. После этого девушка естественно, по выражению этих ребят, «идет в расход». Это свидетельствует о том, что взаимоотношения между девушками и ребятами были исключительно только половые, но не товарищеские.

Девушка, забеременовавшая до замужества, по обыкновению избегала родов, выправляла плод примитивным способом, путем принятия чрезмерной дозы хины и других веществ, по рекомендации бабки и знахарки.

Были и такие случаи, когда мешанки-девушки боялись говорить с парнями. Они жили внешне аскетически лет до 21—23.

Очень часто случалось, что эти девушки забеременовали гораздо раньше чем девушки, про которых шли слухи в улице о их распущенности. В Подгорной—одна девушка Е. К. жила лет до 19 прямо пашинкой. Все женщины улицы учили своих дочерей с нее брать пример, а она хватя ни с того ни с сего родила от сорокалетнего квартиранта.

Летом молодежь увлекалась «садовым спортом», т. е. лезанием за яблоками, за сливой в близлежащих садах.

Увлечения литературой среди рабочей молодежи почти не чувствовалось. Правда, некоторые ребята очень увлекались Шерлоком Холмсом или Нат Пинкertonом.



В город учиться

Девушки внешне себя держали гордо и на первый взгляд производили впечатление неприступных. Постоянно мазались пудрой и краской.

Основная цель у девушки была—выйти замуж. Этим ограничивался весь ее жизненный интерес.

Ребята смотрели на девушек просто, как на инструмент для полового удовлетворения. Были такие ребята, как сапожник Борька Хромой, который, несмотря на свой физический недостаток, постоянно был организатором вечеров. Пользовался большим почетом, как у ребят, так и у девушек. Несмотря на совершенную негодность одной ноги, он танцевал. И бывало, если девушка отказывается иметь с ним половую связь, он беспощадно использует ее клошками.

В этой обстановке воспитывались подрастающие дети. Мальчик 13—14 лет уже имел смекалку, как бы закрутить с девушкой, и помышлял даже о половой связи. Взрослая молодежь в возрасте 20—25 лет ходила с носками, играла в деньги, дралась. А дети все это воспринимали, подражали взрослым. Напр., дети 12—14 лет уже играли в карты, в «21», хотя

вместо денег у них были картинки, дрались между собой. Было уже соревнование между собой на «духового» руководителя. Некоторые вместо настоящих ножей и кинжалов носили за сапогами деревянные, обклеенные цветной серебряной бумагой.

Таким путем шла преемственность младшим поколением от старших всех вредных явлений, наблюдавшихся во взрослой среде.

Такая обстановка была не в одной Подгорной улице, но и во всех рабочих районах.

Взять положение молодежи в производстве. Рабочая молодежь, находясь в темноте, враждовала между собой, «заводила» драки на фабрике. После получки—игра в деньги, в «орла» или «двадцать одно».

Если в производство попадает новичек, обязательно его приучают к порядкам фабрики, смеются, обманывают. Напр., на спичечной фабрике новичка посылали мастер к другому мастеру брать «щипцы-рванцы», и когда новичек подходит просить мастера:—дай мне «щипцы-рванцы», тот отдерет его за уши. На аэропланном заводе, напр., с новичка скидали штаны и половой орган мазали суриком, а то заставляли плясать, а после устраивают «кучу мала», т. е. сваливают с ног и потом вся толпа набрасывается на него и начинает тискать и т. п. Это было первое приобщение к рабочей жизни.

Потом внутри фабрики заметно чувствовалось со стороны некоторых рабочих унижение, поклонство перед начальством. В обеденный перерыв рабочие и молодежь собирались группами и рассказывали вульгарные анекдоты.

Но вот наступила революция. Поднялась культурность рабочих и крестьянских масс. Сейчас уже трудно найти деревни, из которой не было бы 25—50 человек побывавших на фронтах, которые познакомились с жизнью городов, во время империалистической войны побывали в плену, в такой культурной стране, как Германия. Все это естественно способствовало повышению культурного уровня крестьянства. Сейчас уже трудно найти деревенского мужика, который бы не имел представления о телеграфе, аэроплане, пулемете.

Даже в отсталых уездных городах России, на далеком севере, и там деревенская и даже кочевая масса основательно раскачалась. О. Орлова в своем рассказе «Три месяца на Кольском полуострове» рассказывает следующее:

«С почтовым поездом выехали из Мурманска 18-го числа и прибыли к станции отправления «Ягельному Бору» в 9 час. вечера того же дня. Ночь провели у лопарки Марии Яковлевой, а на утро 19-го она нас проводила до 1-й лопар-

ской вещи, в 8-ми верстах от «Ягельного Бора». Нас оказалось девять человек. Председатель волисполкома Андреев, заведующий лесным отделом Сергеев, человек лет под 55, рослый, крепкий мужчина, самоед. Данило Новиков, демобилизованный солдат, возвратившийся из Сибири, до войны он был пастухом у итемца, богатого оленевода в Семи-Озерском погосте. Теперь возвратился обратно домой. Он был круткий сирота, но востакки его со службы потянуло домой. «Воли больше здесь»—говорит он. Будучи на службе, побывал на разных фронтах, научился писать и читать, даже лозунги, как надо затвердил. Вообще преобразился. Последним его впечатлением была авиация. В неделю помощи воздушному флоту он получил книгу о красных самолетах и теперь он эту книгу и сборник анекдотов нес домой. Быть может на Белоозере решил агитировать оленеодных самоедов в пользу русского воздушного флота».

Это доказывает, что революция сделала громадный культурный сдвиг у крестьянства и даже у отсталого племени.

Вот перед нами Средне-Царицынский казачий хутор, Усть-Медведицкой станции. Здесь рядом с народом и избой-читальней по воскресеньям собираются кулачные бои, в которых участвуют 40 % населения. Когда я стал интересоваться и расспрашивать ребят комсомольцев об этих боях, то ребята меня уверили, что оставшаяся масса, 60 %, не участвующих в боях, это завоевание комсомола последних 2-х лет. В старое время до 1922 года, по словам ребят, все мужчины хутора в возрасте от 14 до 50 лет поголовно участвовали в этом спорте. На этом же хуторе можно наблюдать кружки по борьбе с курением табака и алкоголем, которым руководит Агаша Черненко, комсомолка с 22 года, дочь бывшего казака.

Религия среди молодежи этого хутора совершенно ушла, несмотря на то, что он, будучи на 100 % казачий, считался самым религиозным. Неверие не замыкается внутри комсомола, а распространяется на всю массу крестьянской молодежи. Об этом могут свидетельствовать частушки, которые весьма распространены по всем казачьим хуторам, как например:

Не целуй меня родной,
Я не богородица,
От меня Иисус Христос
Все равно не родится.

Среди молодежи заметно отживают старые формы веселья; напр., вместо прежних посиделок сейчас в большинстве молодежи проводит время в народоме. Старые пляски переходят в танцы; особенно распространенными являются казачек, полька, краковяк. Организаторами этих вечеров всегда бывают комсомольцы. Среди девушек заметно растет поверхностная культурность, например, частое употребление слов:

«извините», «позвольте» и даже можно слышать «мерси». Вместо вульгарных анекдотов, какие были раньше, парни поют революционные песни. Любимой песней этого хутора является «Расстрел коммунаров», потому что в этом хуторе гнездились все время армии Деникина, Милонова, Валукина, которые ежедневно расстреливали на глазах у всех жителей десятки коммунистов и комсомольцев.

Среди взрослого населения этого хутора также произошел большой перелом. Если 2 года тому назад отец или мать пороли девушку за вступление в РЛКСМ, теперь есть случаи, когда беднячки матери приводят девушек для записи в ячейку.

Правда, в хуторе сохранились группы молодежи из кулацкой семьи, которые еще придерживаются старого. Сын богатого мужика никак не может уступить свое первенство на деревне комсомольцу-бедняку. Кулак чаще всего имеет гармонику, хорошо пляшет и еженедельно раза 2-3 в его избе происходят вечеринки избранной деревенско-кулацкой молодежи. Эта часть молодежи до сего времени пока себя считает первыми парнями на деревне. Но эта группа не культурнее, чем бедняцкая комсомольская масса.

Женится молодежь, комсомольцы и бедняки, больше по советскому. За 3 недели до моего приезда в Усть-Медведицкий округ происходили сразу две свадьбы «по новому». Народом, где проходила церемония, был битком набит крестьянами, и новым свадебным торжеством даже заинтересовался поп, пожаловал на комсомольскую свадьбу. Население осталось вполне довольное новой обрядностью.

Культурная потребность среди крестьянства необыкновенная—почти каждый крестьянин выписывает газету «Беднота» или «Крестьянскую газету». Бедняки, у которых в этом году мало уродилось хлеба, выписывают на 3—4 двора одну газету.

Женщины по вечерам собираются у местной коммунистки, которая ежедневно угощает посетителей новостями из газет и из журнала «Коммунистка». Особенно развит интерес у всего населения к организации коммун. В волость и округ ежедневно приезжают делегаты за уставами о коммунах.

Привезенные кресткомом 4 трактора «Фордзон» в округ Усть-Медведицк внесли переполох по всем деревням; кругом пошли разговоры об организации артелей и коммун и даже в 3-х сразу станицах сами граждане настаивают на продаже церковных колоколов для приобретения на деревню трактора.

А вот вторая картина жизни и борьбы крестьянской молодежи казачьего хутора Фатеевки. В нем читатель наглядно увидит, как происходит борьба в отдельных уголках деревни за новый строй и новую жизнь.

В 50-ти верстах от окружного центра Михайловки Царицинской губ. расположен казачий хутор Фатеевка. С 1918 года в окрестностях Фатеевки ютились контр-революционные банды генерала Деникина, Миронова и бандита Вакулина. Население, на 98% бывшие казаки, оставалось с белыми бандами. Возникавшие в 1918—20 гг. организации партии и комсомола, не успев окрепнуть, в полном составе уходили на фронт. Настроение крестьян—антисоветское. Только беднота шла вместе с трудовым казачеством против банд Деникина.

Но вот кончилась гражданская война. Победа осталась за красными. Хутор Фатеевка перешел на мирное положение. Но не чувствуется здесь существования советской власти. Политическое руководство хутора целиком находится в руках кулачества. Беднота терроризована.

Выборы в совет и другие общественные организации всегда проходят под давлением кулачества. Недавно происходили перевыборы в сельсовет. Председателем прошел некий Горностаев—бывший бетонбардеец. Под прикрытием этого кулацкого ставленника гонится самотон; кулачество пьянствует и буянит.

Осенью пришло из станицы извещение о том, что советская власть выдает крестьянам рожь для посевов. Предлагают выбрать человека для получения из станицы посевной ссуды. Собрался сход. Кулаки проводят бывшего урядника казачьей стражи Белякова. Поехал Беляков в станицу, получил ссуду и дорогой ссудил себя пудов на 30, а оставшуюся рожь привез на хутор. При раздаче многим бедным гражданам не хватило. Беляков испугался суда и тюрьмы. Притворился христосиком, пошел по дворам и стал уговаривать бедняков, чтобы последние расписались в получении полученной ржи. Этого ему удалось добиться. Перепуганная беднота, считаясь с Беляковым как с деревенским воротилой, расписалась в получении.

Пыталась было беднота пожаловаться в сельсовет, но бесполезно. Кроме угроз, беднота ничего не могла добиться.

Никаких ком'ячеек и ячеек РЛКСМ здесь не было. Но вот залезла молодежь. Осенью приехал из округа Михайловки молодой хуторский паренек Петр Баль и привез с собой газету «Комсомолец». Зайдя на посадку к молодежи, он отзывается в сторону своего друга Василия Захарова—бедняка и еще двоих батраков. По секрету докладывал о «шибко важной затее». Пошептавшись на посадках, ребята побежали к Петру на дом. Здесь Петр Баль повел речь насчет комсомола.

«Вот, ребята, в газете написано, что мы, крестьянская и бедняцкая молодежь, должны организовываться, бороться с кулаками и горой стоять за бедноту».

Здесь же порешили организовать ячейку комсомола. А на другой день по дворам разнеслось: «На хуторе появились коммунисты»...

Кулачье сейчас же вебудоражилось. Через три дня по хутору разнеслись слухи, что комсомольцы—агенты антихриста, и что будто бы они предложили попу немедленно убираться из деревни. Началась травля. Но сам поп категорически опроверг эти рассказы.

Ячейка увеличивалась. С 4-х членов выросла до 9. В ячейку вошли 3 девушки и 6 парней.

Прошло полторы недели. Утром, в воскресенье, на избесельсовета появилось объявление:

«В воскресенье, в 12 час. дня, комсомол созывает собрание молодежи-батраков, бедняков, а также взрослых мало-мощных. Повестка дня: о кооперации, об избе-читальне».

На собрание это привалили все кулаки и несколько человек бедняков. Собрание открыл Баль, который вместо доклада прочел заметку о кооперации.

Первым в прениях записался кулак Михайлов К. Вышел, погладил бороду, с ехидством начал:

«Да что они, сопляки, нас морочат. У нас сколько лет потребиловки нет, а, ведь, живем... хлеб и соль милостью бога водится».

Раздались возгласы: «Правильно»... «Правильно»... «Михайло прав». Начался шум, крик, ругань комсомольцев. Собрание сорвали. Никаких решений принять не удалось.

Через пять дней после этого состоялся сход. Обсуждают вопрос о распределении сельско-хозяйственного кредита для крестьян.

Кулаки настаивают на том, чтобы не делить граждан по имущественному положению, а фураж выдавать всем гражданам хутора; бедноте обещали помочь потом «по добру». Берет слово секретарь комсомола Баль. Задрожали у 19-ти летнего парня поджилки. Снял картуз перед сходом, и крикливым голосом начал: «Граждане, беднота... не верьте Михайлу и его приспешникам-кулакам... они получают наше, а от них уж не жди...»

В толпе раздались возгласы: «Молод еще укорять Михайла, молокосос. Мы век его знаем, худого не видели. Живет своим трудом праведным, да живет лучше всех. Да что с ним нянчиться—удалить из собрания...» Большинство голосов предложение об удалении с собрания комсомольцев принимается. И последние уходят.

С этих пор комсомольцев больше не пускали в совет, не давали им помещения под собрания. Собираться ребятам стало нелегко.

Однажды собрались в избе у одного комсомольца, открыли беседу. Вдруг врывается пьяная банда кулаков, разгоняет собрание, избивает нескольких комсомольцев. Хозяину дома, у которого собрались комсомольцы, пригрозили: «Будут в твоей избе собираться комсомольцы, тебя утробим».

С этого времени ячейка начала свою подпольную жизнь. Собираются по вечерам на улице, украдкой поговорят и разойдутся. Какие уж тут протоколы... Над каждым повисла угроза быть избитым.



Деревенские комсомольцы — организаторы сельскохозяйственного кружка

Вечером в одиночку комсомолец никуда не выпякидывай.

На свадьбе у Дьяконова Степана кулаки избивали комсомольца Горностаева Ивана — не будь коммунистом. Такие случаи начали повторяться изо дня в день.

В такой обстановке ячейка, казалось, должна была бы развалиться. Но ребята, рискуя в любое время быть избитыми, все-таки работают и надеются одержать победу.

Видя такую стойкость комсомольцев, бедняки начали с уважением к ним относиться.

Однажды в избу Валя приходит бедняк, Степан Узков, и шепотом сообщает: «Ребята, приходите ужко на сход ко мне в избу, я говорил с беднотой, обещаю вам подмогу».

На другой день, вечером, все комсомольцы собрались у него. Хозяин квартиры занавесил тканым одеялом и мешками окна, чтобы кулачье не видело. Усевшись на полу, ребята провели собрание. Обсуждали вопрос о связи с беднотой и демобилизованными, о плане работ ячейки, об индивидуальных заданиях. После собрания один комсомолец предложил пропеть «Интернационал», но хозяин упрямил ребят не подводить его. Собрание украдкой разошлось.

Так собирались ребята три раза, но четвертое собрание кулаки подглядели. Через щелочку в завешанном одеялом и мешками окне увидели комсомольцев, в том числе трех девушек.

Этим последним обстоятельством кулачье воспользовалось — по селу разнеслось: «У Ивана Узкова комсомольцы открыли бар... собираются «хлысты», парни и девки. Девки насилуют»...

Подобралась шайка головорезов, намеревавшаяся ворваться в избу, под предлогом защиты «насилуемых» комсомолок



В избе бедняка «Узкова» собираются ребята, устраивают политфанты, разбирают книжку «Коваленко»

расправиться с парнями, а в первую очередь с организатором комсомола Петром Вальем. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы друзья комсомольцев во время не сообщили им о зверской затее.

В хуторе эта группа комсомола уже начала перестраивать жизнь. Налаживаются правильные отношения девушек и ребят. Комсомольцы в противовес старым порядкам выдвигают уже новые формы развлечения молодежи. В избе бедняка Узкова собираются комсомольские вечеринки, где ребята устраивают политфанты, разбирают книжку Коваленко, читают газеты. Девушки, посещающие комсомольские вечеринки, вполне остаются довольными. Здесь же поются революционные песни — «Молодая гвардия» и «Ванюха». Можно определенно наблюдать изменение отношений парней к девушкам. Ребята, например, бросили спать с девушками. Очень редко слышна матерная ругань.

Петр Валь является и начинщиком гигиены в деревне. Некоторые ребята после уездного съезда начали чистить углем зубы.

На другой части деревни кулацкая часть молодежи продолжает старые формы веселья. Все те же поседки, ребята спят с девушками, пьянка по улицам, ходят с вульгарными песнями с гармоникой. Воротилами этой части по обыкновению бывают кулацкие сынки.

Влияние родителей на детей в Фатеевке большое. Были случаи, когда родители до полусмерти избивали детей, особенно девушек, за вступление в комсомол. Среди девушек существует еще суеверие. Чтобы завлечь того или иного парня к себе (приворожить его), девки незаметно привязывают к рукаву избранного парня нитки. Дают пить воду, несколько раз обнесенную вокруг черной лошади или быка. А то есть и такие суеверия: влюбленная в парня девка, чтобы приворожить его к себе, подмешивает в воду свою мочу, полученную на заре, и вливает несколько капель в кружку, из которой пьет любимого парня на поседках.

Среди комсомолок, по словам ребят, эти факты уже изжиты.

В среде комсомольцев очень сильно развит интерес к астрономии. Ребята очень интересуются происхождением звезд, луны, солнца и т. п. В отношении религии—таковой не существует только у комсомольцев, остальное население целиком религиозно. Пока все свадьбы проходят по религиозному обряду.

СТАРАЯ ОБСТАНОВКА ДЕРЕВНИ

Крестьянин закабален податями.

Культурных учреждений нет, за исключением низшей церковно-приходской или земской школы, в которой молодежь еще крепче закручивали религиозным дурманом. На деревне поп и урядник—вершители всех дел. На другой стороне, недалеко от церкви, господствовал кабатчик, который жател за счет обнищания бедноты. По деревне ходят суеверия. Колдовство и знахарство окружает деревенскую массу. Крестьянин не знал другого места, где бы можно было увидеться, показать наряд, кроме церкви. Церковь служила деревне всем: домом дурмана, обогащающим попа, и местом овцаний, театром и опиумом, усыпляющим пытливым мозг людей.

Вот факты из жизни деревни Дубенской Пензенского уезда. В старое дореволюционное время, так в 1911—12—13 г.г., по селу ходили разговоры, что в барском саду водится лепший—утопившийся сын барина, якобы превратившийся в лепшего, которого «видели» несколько раз девки. Больные женскими болезнями женщины, как раз в годовщину смерти этого барчука, ходили на реку купаться, дожидаясь исцеления, так как, по рассказам, этот барчук был очень падох до женщин, через которых и покончил свою жизнь. Крутом деревни окру-

жало колдовство. Срезала лошадь ногу или заболела корова—бегут не к ветеринару, а к Никите, местному крестьянину, знахарю. Докторов никогда не знали.

Забеременевши, девка шла к знахарке, которая давала пить полынь или еще какую-нибудь настойку. Благодаря такому лечению, девка часто отправлялась на «тот свет». Взрослое крестьянство в большинстве проводило время за водой у местного кабатчика, а безденежные у Никиты знахара, который ставился лучшим грамотеем (хотя по слогам читал) и вечно сидел с библией и евангелием. Поп бывал в этой деревне только по крупным праздникам, да приезжал творить требы.

Суеверье у молодежи выражалось в веровании в чертей, ведьм, домовых и т. п. Особенно ярко выражалось это суеверие под новый год—девки и парни гадали в зеркало, сжигали бумагу, а некоторые девушки ходили гадать на гумно. Техника этого гаданья такова. В 12 час. ночи под новый год девушки идут на гумно; шагов за 30 до стога сена девушки по очереди пятятся задом к этому стогу. Дойдя до стога, девушка должна заворотить юбку и вот если по голому заднему месту проведет мохнатой рукой, то значит девушка выйдет замуж за богатого, а если голой, то значит за бедного. При чем девушка, в страхе, прикасалась к сену и ей казалось, что действительно некая сила затрагивается до нее. Однажды два парня сговорились напугать девок. Подслушали разговор девок, куда они пойдут гадать, забрались в этот стог и дождались преспокойно до 12 час. Наступила полночь. Видят—идут две девушки, подошли, одна начала пятиться к стогу, и, когда подошла, парень взял да дотронулся ей до голого заднего места вывороченной рукавицей, обрадованная девушка подбежала к подруге, рассказала о происшедшем.

Другая с таким же нетерпением стала пятиться к стогу; тогда парень взял деревянную лопату и изо всей силы плашмя ударил девке по оголенному месту. На другой день о случившемся знала вся деревня, после чего это гаданье совершенно изжилося.

Молодежь в большинстве безграмотная. Время проводила днем за картами в дураки, а иногда в «очко», вечером по посиделкам. На посиделках девки вязали, а парни рассказывали анекдоты, пели вместе песни, частушки, плясали. У ребят особенно были распространены частушки, касающиеся связи с девушками, любви и т. д.

Дай мне ножик,
Дай мне вилку
Я нарежу свою милку.

Эти же частушки ребята припевали под гармонь на улицах, а также пели и матершинные песни. Взаимоотношения с девками были очень простые. Девки не обращали внимания, если парни их кроют по матерному и даже иногда отвечали тем же, только гораздо мягче и нежнее, чем ребята. Погулявши на беседах, ребята тут же разбивались попарно и ложились спать вместе с девками в обнимку. Половая связь, конечно, была, но очень редко. Если девушка допускала половое сношение до замужества, то она обыкновенно оставалась в девках, если ее не возьмет замуж обесчестивший ее.

Девушки молодыми у парней считались лет с 15 до 19. Старше 19 лет уже считались устаревшими. А парень—19-22 лет, старше 22 лет уже считался стариком. Свадьбы происходили в большинстве осенью. Лучшей невестой всегда считалась богатая и физически сильная девушка, с какой бы она наружностью ни была. Без приданого невеста считалась уже не невеста, хотя бы была она и писаной красавицей. На долю последней обыкновенно всегда выходил вдовец лет под 35—40, а то и 50. Влияние родителей на невесту было громадное. Отец сказал—значит, подписано, и никаких разговоров быть не может.

ЖИЗНЬ МОЛОДЕЖИ ДЕРЕВНИ БЫКОВА

В 70 верстах от города Николаевска, Царицынской губ., расположено село Быково.

До революции здесь жизнь молодежи проходила следующим образом. Летом, вся деревня, в возрасте от 12 до 55 лет, уезжала целиком в степь, где почти проживала все лето. В деревню наезжали только в церковные праздники. Взрослое население в эти праздники ходило по гостям к родственникам, отдыхало, а молодежь вечером, на «бревнах» крутила с девушками. В селе пели песни, играли в гармонь, плясали и так к часам к 12 расходились по парочкам, кто на пумно, а кто в лес. Днем в праздничные дни молодежь, разодевшись в разноцветные наряды, шла в церковь, увидеться с возлюбленной. Зимой молодежь собиралась на поседки, где ребята и девушки пели частушки. Особенно распространенными были:

Дайте, дайте, милочку,
С коей спал в обнимочку...

Плясали ребята тоже под частушки, напр.:

Был я у тещи,
Ел я квас,
Давай теща
Еще раз.

Между прочим, эти частушки сохранились и до настоящего времени. Поются они беспартийной кулацкой молодежью. Провеселившись на поселках часов до 11 вечера, ребята разбивались по парочкам и ложились спать вместе с девушками. Это сохранилось и до настоящего времени в среде беспартийной молодежи.

С 1917 года в этом поселке произошло заметное изменение. Девушки, будучи работниками в семье, так как ребят не было, почувствовали себя равноправными. Изменились частушки и песни. Если раньше среди девушек была любимая их песня: «Коровушка», то сейчас ее не поют.

Коровушка горела,
Дайте на счастье пожать руку...
В Быково руки грело,
Луку, зеленого луку,
Она меня заразила,
Луку, зеленого луку,
Любиль бросила—забыла,
Дай на счастье пожать руку...

Милый спрашивал, гадая,
Луку, зеленого луку,
Я сказала, молодая,
Дай на счастье пожать руку...

А сколько тебе лет
Луку, зеленого луку,
Мне всего 17 лет,
Дай на счастье пожать руку...

Меня маменька будила,
Луку, зеленого луку,
Вставай дочка, аль не спала,
Я те замуж отдала... и т. д.

Теперь эта частушка начала терять свою злободневность. Первая бытовая революционная частушка в Быкове появилась в 1918 году летом. Она начала уже заметно отражать отношения девушек к коммунистам.

Свищет, свищет паровоз,
Поет ли где птичка,
Мой миленок большевик,
А я большевичка.

Эта частушка вскоре изжила в связи с наступлением Деникина. Тут молодежь, особенно кулацкая, начала приспосабливаться к новой обстановке и попевать частушки на злобу дня. В это время широко распространилась песенка «Яблочко».

Эх, яблочко, куда котишься,
В Губчека попадешь—не воротишься.

Чувствовалось упадочное настроение. Крестьяне в своих предположениях думали, что наступившая армия Деникина положит конец большевистской власти. Этому настроению соответствовала частушка:

Я на бочке сижу,
А под бочкой мышка,
Как белые пришли,
Коммунистам—крышка.

Такое отношение крестьян и молодежи окончательно изжило в конце 1920 года. Сейчас заметно улучшилось отношение крестьян к советской власти и партии. Около 30% молодежи этого села состоит в комсомоле. Среди комсомольцев



почти совсем исчезли старые формы веселья. Набачитальня и народный дом вытесняют старые посиделки. Молодежь ежедневно собирается в нардоме, слушает лекции и бе-

седы. Вместо старых посидок по праздникам комсомольцы устраивают спектакли. Кроме этого, ячейкой комсомола организованы тройки по работе среди посидок; выделенные комсомольцы приходят на кулацкие посиделки, заводят беседы на политические темы, поют революционные песни, зачитывают таким путем за собой всю массу молодежи. С появлением комсомольцев кулацкая молодежь немедленно оставляет посиделки.

Молодежь этого села быстро воспринимает всякую новизну. Очень быстро воспринимаются всевозможные характерные выдержки из пьес, которые входят в обиход всего села.

Религия в этой деревне упала не только среди комсомольцев, но и даже среди беспартийных. Об этом свидетельствует всегда пустующая церковь и частушки, которые поются всей молодежью деревни Быкова.

Эх, бог, ты нал бог,
Что ты ботаешь,
Ты на небе сидишь,
Не работаешь.

Все это свидетельствует о том, что молодежь даже в отсталых уголках деревни значительно преобразовалась. Одновременно с бытовым переломом чувствуется необыкновенный сдвиг в сторону политической активности среди молодежи. Проводимые комсомольцами собрания посещаются и беспартийной молодежью. В селе при ячейке издается стенная газета «Ильич», в которой принимает непосредственное участие процентов десять всей молодежи деревни Быкова.

В этом селе имеется школа крестьянской молодежи. Заведует этой школой комсомолец «Белый», который фактически является заправилой всей культурной жизни деревни Быкова. Школу поддерживает все население, в первую очередь батрацкая и бедняцкая молодежь.

Как факт, я приведу характерную резолюцию, вынесенную беспартийной и батрацкой молодежью школы крестьянской молодежи, принятую вне всякого давления и участия комсомола:

«Мы, ученики школы крестьянской молодежи, выносим свою клятву, что мы будем стараться и выполнять наши задачи, что наша задача, цель сделать из каждого дети крестьянина, наша цель быть коммунистами, и мы скажем раз навсегда что мы, когда будем выполнять нашу задачу, что мы будем готовы всегда навстречу крестьянину, что наша цель и задача быть крестьянином. Еще раз мы должны сказать что в нашей школе не должно быть неколлективности, это наша задача и наша цель, что мы должны сделать хороший кол-

лектив, дальше мы не должны быть пассивными, что мы окажем раз навсегда, что мы будем стараться и выполнять нашу задачу».

Эта резолюция наглядно показывает, что среди отсталого батрачества произошел несомненный сдвиг.

Старые поседки сохранились только в среде кулацкой и религиозной молодежи. Подавляющее большинство молодежи перестало ходить на поседки. Культурный уровень комсомольцев давно перешел через грани бессмысленных посиделок. Каждый стремится к спектаклям, к играм в политфанты. Изменились также и песенки, которые поет молодежь. Особенно распространены в настоящее время являются: «Ванюха» Демьяна Бедного, «Молодая гвардия».

Среди девушек также заметно повысился культурный уровень. Девушки участвуют в спектаклях, бывают на собраниях и даже пишут в газетах. У ребят-комсомольцев изменились старые отношения к девушкам. Недавно ячейка даже назначила конкурс на примерную комсомольскую женатую парочку, в смысле правильного построения жизни и отношений.

Взрослое население еще консервативно. Религия в деревне Быково среди пожилых еще сидит очень крепко, хотя к новой обрядности старики относятся как будто бы равнодушно. Совершенно изжились колдовство и знахарство. В случае болезни какого-нибудь крестьянина он обязательно приглашает врача.

БЫТ ДЕРЕВНИ ОЛЬХОВКИ

В 70 верстах от Царицына расположено село Ольховка. Население в этом селе в большинстве—украинцы. Крестьяне занимаются исключительно хлебопашеством. Ведняцкая молодежь в этой деревне, особенно комсомольцы, в большинстве своем новых взглядов. В селе имеется ячейка, которая насчитывает 73 человека.

Беспартийная молодежь, хотя и посещает собрания ячеек комсомола, но в быту еще находится отчасти под старым влиянием. В этом селе сохранились еще старые формы веселья—поседки. Сущность этих поседок такова: девушки снимают квартиру, приглашают парней, сами в это время заняты какой-нибудь работой, как-то: вяжут чулки, шьют и т. п., а ребята поют песни. Одновременно один какой-нибудь парень танцует с девушкой. Комсомольцы также посещают эти поседки, но исключительно для того, чтобы разладить их, стараются изменить характер этих вечеринок, путем организации бесед на политтемы, или запевают революционные песни: «Смето, товарищи, в ногу», «Ванюху». Очень часто комсомоль-

цам удается придавать этим поседкам чисто комсомольский характер. Беспартийная, особенно кулацкая молодежь лучшим весельем во время праздников считает пьянку и кулачный бой. В то же время под влиянием самогонки распеваются похабные песни. Характерно то, что песни деревенская молодежь поет те, которые раньше пели в городе. Деревенская молодежь в этом отношении вторит городу, только с значительным опозданием. Напр. «Яблочко» в гор. Царицыне не поется уже около 2-х лет, а в деревне Ольховке только что вошло в моду, как-то:

Я на бочке сижу,
Слезы капают,
Никто замуж не берет
Только лапают...

У девушек есть обычай дарить парням перчатки, варежки, чулки и т. п. Особенно характерным бытовым обычаем молодежи в этой деревне является привязывание «колодок». Это делается в престольный праздник, Фомин день. В этот день устраивают девушки вечеринки с выпивкой. Холостым парням, имеющим больше 21 года, девушки и солдаты привязывают «колодки» (привязывается бичевой какая-нибудь чурка или щепка). Парень, которому привязывают эту «колодку», обязан покупать этой девушке на платье или на платок и обязательно проводить с ней вечер. Поседки, устраиваемые беспартийной молодежью, обязательно проходят с поцелуями. Изменилось отношение девушек к половому вопросу, в смысле свободного взгляда на этот вопрос, и даже они очень сильно пересаливают.

Не ругай меня, мамалха,
Что я в девках принесла,
Богородица то наша
Тож, ведь в девках родила.

Отсюда—на поседках наблюдается половая распущенность.

В противовес этому комсомольцы концентрируют молодежь в нардоме, устраивают спектакли, поют революционные песни. В этом селе есть пружина молодежи, которую комсомольцы прозвали золотой молодежью. Этой золотой молодежью руководит 45-ти летний вдовец-крестьянин, которого они прозвали «дядюшкой». Эта молодежь время проводит больше на поседках, устраиваемых дядюшкой. Молодежь, руководимая дядюшкой, враждебно относится к комсомолу, считает последних босьяками. Среди кулацкой молодежи сильно развита пьянка и разврат. Женитьба этой кулацкой молодежи проводится постоянно по церковному, причем каждый парень старается свадьбу справить таким образом, чтобы об этом знала вся деревня.

В этой деревне сохранился еще очень древний обычай: при выдаче девушки замуж обязательно давать с ней приданое, которое кладется на сани, и охаки раз'езжают с ним по всему селу, размахивая юбками невесты, платками и другим тряпьем, которое дано в приданое.

Религиозность среди взрослого населения пошатнулась. Этому способствуют раскол церкви. Были такие случаи, когда поп старого течения и поп обновленческой церкви учиняли между собой драку во время службы. Однажды был такой случай: отец Сергий (обновленческий поп) пришел служить обедню в престольный праздник, псаломщик был недоволен жадной политикой отца Сергия. Во время службы обиженный псаломщик, чтобы подкачать приход у о. Сергия, ударил на скрипке и заиграл камаринского. Поп в недоумении бросился на него, и началась драка. Дело кончилось вмешательством милиции. После этого престиж попа и церкви в глазах верующих сильно подорвался.

БЫТ МОЛОДЕЖИ ПЕНЗЕНСКОГО УЕЗДА

По Пензенской губернии сильно развиты венерические болезни (сифилис). Есть уезды, где по официальным данным насчитывается 50% сифилитиков из общего состава населения (Городищенский уезд). Болезнь—наследственная. Во время войны бытовой уклад, в особенности молодежи, как-то—посиделки с поцелуями—способствовали ее распространению. Жизнь кр. молодежи Пензенского уезда мало отличается от старого времени. Те же (посиделки, которые заключаются в том, что девчата работают, юноши собираются около них, поют песни и ближе к ночи ложатся вместе спать. В праздничные дни посиделки бывают без работы, сопровождаются пьянкой, поцелуями, похабными частушками, которые поются не только парнями, но и девушками; напр.,

Моя милая пьет и вяжет,
С кем захочет, с тем и ляжет.

Не безгрешны в этом деле и комсомолы, которые часто являются даже инициаторами сочинений похабных частушек.

Помимо воскресных и других религиозных праздников в Пензенской губернии широко чтится праздник девушек «кузьминки» (празднуется в октябре месяце). В этот день девушкам позволительно для устройства праздника воровать кур, мясо, муку и прочие с'едобные припасы. Девушкам разрешается приглашать своих «милых», напиваться пьяными и прочее, непозволительное в другие дни. Родители в этот день не смеют противоречить девушкам и насильствовать их желания. Этот день и другие годовые праздники сопровождаются хулиганством, пьянкой, драками, поножовщиной. Особенно это распространено в селе Бессоновке, Мостиновке, Рамзае и дру-

гих селах Пензенского уезда. Отражение этой поножовщины, драки, хулиганства—очень хорошо выявляется в припевах и частушках, которые поет молодежь. Напр., в селе Бессоновке поются:

Наша шайка небольшая,
Человек 17 в ней,
Если хотите подраться,
По ножу в кармане есть.

Или вот другая частушка, которая соответствует бытовым условиям молодежи:

Нас побить, побить хотели,
Побить собирались,
А мы сами, атаманы,
Того дожидались.

Все это ярко отражает озорство в жизни молодежи.

Эта обстановка влияет также и на девушек. Последние заражены этим поведением, и в своих частушках, которые они поют на посиделках, подражают ребятам.

Вы не бейте, не стреляйте,
На полете петушка,
А убейте за измену
Моего милого дружка.

Комсомол в противовес этому продвигает (правда, очень медленно) новое. В деревне распространяются новые песни, одновременно справляются комсвадьбы, оклябрины. В народе устраиваются комсомольские вечеринки, но все это мало отражается на общей массе беспартийной молодежи, особенно там, где комсомольцы участвуют в отмеченных играх и развлечениях. Здесь еще слабо разворачивается сеть культурно-просветительных учреждений, как народом, избы-читальни и т. п. Антирелигиозная пропаганда проводится также время от времени. Эта пропаганда до настоящего времени носит характер борьбы с поповщиной.

БЫТ МОЛОДЕЖИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Если взять Костромскую губернию, то здесь мы имеем резкое отличие быта крестьянской молодежи от быта Пензенского уезда. Молодежь в большинстве своем переломилась в сторону нового быта. Определенно чувствуется резкое окомсомливание деревни. Молодежь в большинстве активна и

лояльно настроена по отношению к партии и комсомолу. Это подтверждают целиком и частушки, которые поются в костромских деревнях:

Я не душу загубила,
Не деревню подожгла,
Комсомольца полюбила,
За советскую власть пошла.

До 1922 года в деревнях влияние комсомола было еще слабо, благодаря чему молодежь в то время пьянствовала и подчас хулиганила. Особенный перелом в быту молодежи происходит после вступления ее в комсомольскую организацию. Об этом также у них есть частушки.

Мальчишка я избаловался,
Водку пить, табак курить,
В комсомол я записался—
Перестал теперь дурить.

В некоторых деревнях есть кружки по борьбе с курением табака, кружки селькоров и юнкоров. Почти в каждой волости комсомолом издается стенная газета. В общем в деревне среди молодежи быстро растет и развивается новая революционная общественность. Религиозность сохранилась только у старого поколения. Молодежь на 65%—безбожники. Остальные 35% молодежи с религией связаны больше формально, чем фактически. Среди молодежи очень сильно распространены антирелигиозные песенки и частушки, которые целиком отражают отношение молодежи к религии, как, напр.:

Мне родители велят:
Молись богу, верхогляд.
Я родителям в ответ:
Бога не было и нет.

По праздникам молодежь часто собирается в нардомах и избах-читальнях. Попытки родителей послать детей в церковь оканчиваются в большинстве неудачей. А если родителям и удастся послать сына или дочь к обедне или всенощной на-сишью, то молодежь делает только отвод глазам, в церковь же не попадает.

Воскресение пришло.
Не пойду молиться,
То уж времечко прошло,
Я пойду учиться.

Первое время в 1920-21 г.г. в Костромской губ. девушки очень слабо принимали участие в общественно-политической жизни и не шли в комсомол. Этому способствовало влияние родителей, под которым находились девушки. Бывали случаи,

когда родители избивали своих детей-девушек за связь с комсомольцами. Но, благодаря агитации и индивидуальной работе, среди девушек замечается большой перелом в смысле улучшения отношения и взгляда их на комсомольцев. Если комсомолец гуляет с той или иной девушкой больше трех месяцев, то он в большинстве прививает ей свои взгляды на религию и политику. Такие случаи не единичны, а наблюдаются в массовом масштабе.

Я мальчишка комсомолец
Крестьянску девушку люблю.
Богомольную крестьяночку
От бога отбью.

Вовлечение же девушек в комсомол в Костромской губ. идет пока слабо. Главная причина слабого роста комсомола за счет девушек объясняется влиянием родителей. Между прочим, это явление наблюдается не только в Костромской губ., но и в целом ряде губерний. Если родители замечают, что девушка часто ходит в нардом или избу-читальню, то ее просто не пускают на улицу, боясь влияния на нее комсомольцев. В Костромской губ. девушки про эти факты сочинили частушки:

Комсомол мой, комсомол,
Черненькие глазки,
Из-за тебя меня бранят,
Держат на повязке.

При чем бывают и такие случаи, когда сами комсомольцы не могут подойти к девушкам и привлечь их в комсомольскую организацию. Особенно плохо действует на девушек ругань комсомольцев, которую подчас допускают на собраниях ячеек. Часто вступающие в комсомол девушки не могут поставить себя так, чтобы они были авторитетны в глазах беспартийных девушек. Особенно плохое впечатление производит на крестьян, когда девушка комсомолька курит, меняет внешний вид,—в смысле подражания ребятам во внешней форме. Бывают случаи, когда из подшефной ячейки приезжает девушка в салогах, картузе. (Вдобавок она курит, и, чтобы доказать свое «немецанство», слишком развязно держит себя среди ребят. Все это сильно бросается в глаза крестьянам. Все эти явления крестьяне относят к распущенности комсомолок. Поэтому они, судя по отдельным комсомолкам, не пускают своих детей в комсомол; а, главное—родители никак не могут помириться с тем, что дочь будет безбожницей.

Старая обрядность (свадьба, крестины) еще господствуют. Октябрины—редки, бывают только у комсомольцев и коммунистов. Советские праздники в Костромской губернии еще не вошли в обиход. В большинстве случаев во время советских

праздников крестьяне работают, ходят в обыкновенной одежде. Молодежь же по советским праздникам собирается в нардоме, в избе-читальне, ведут беседы и не ходят на работу. На почве этого часто бывают ссоры молодежи с родителями. Это находит яркое отражение в частушках, которые поет крестьянская молодежь по этому поводу:

Сделай, тятка, забастовку

Перебей мамки горшки.

Что на праздники советски

Не пекет она пироги.

БЫТ МОЛОДЕЖИ ДЕРЕВНИ СУБОЧЕВО

Теперь возьму деревню Центральной России—дер. Субочево (Иваново-Вознесенской губернии). Эта деревня расположена за 7 верст от г. Тейкова. Население в большинстве бедняцкое. Часть крестьян работает на фабрике в гор. Тейкове. До 1923 года в деревне политическими воротилами было кулачество. Возглавлял кулацкую группу самый богатый мужик на селе, который пробрался в волостную земельную комиссию и проделывал свои темные делишки в интересах кулачества. Крестьяне давали ему спуск, ибо все боялись против него подняться.

Но вот пришел 1923 год. Из красной армии вернулся местный бедняк-крестьянин «Лавра» (так зовут его крестьяне).

Демобилизованный Лавруха часто получал от своих домашних письма, в которых описывались проделки местного кулака. Пробыв около месяца дома, Лавра организует ячейку комсомола. Ячейка первым делом берется за кулака. Наступление на кулака началось с того времени, когда в ячейку было подано заявление работницы, которую кулак проэксплуатировал все лето и на зиму хотел выгнать, не заплатив ни копейки. Лавруха сам взялся за это дело. Через несколько недель кулак предстал перед судом за эксплуатацию работницы. Суд оштрафовал кулака на 200 рублей в пользу работницы. Этот факт сильно бросился в глаза крестьянам. Последние почувствовали в комсомоле силу, поддерживающую бедноту.

Вторым делом ячейка подследила у кулака краденые вещи и передала его суду. Благодаря этому кулак был изгнан из волсовета.

С этого времени Субочево переродилось. В ячейку каждый день приходят крестьяне за советами к Лавру. Крестьяне помогают ячейке в ее работе.

Ячейка задумала организовать нардом, наметила место, отхватила часть огорода у того же самого кулака. Сход крестьян подтвердил решение ячейки и обещал построить на мирские деньги нардом. Через полтора месяца решение схода

было проведено в жизнь. Каждую субботу и в воскресенье крестьяне собираются в нардоме, слушают лекции на антирелигиозные темы. Нардом стал явным конкурентом соседней церкви. В течение полугода ячейка комсомола сумела отбить больше 50% крестьян от религии. Нужно отметить еще то обстоятельство, что нардом каждое воскресенье посещают до 25% пожилых женщин.

Влияние мужа на жену в Иваново-Вознесенской деревне значительно ослабло. Церковная обрядность хотя и наблюдается часто, но она проводится без всякого глубокого внутреннего содержания. Передовая молодежь из бедняков и середняков придерживается новой обрядности:

Пришли новые права,
Не надо венчаться,
Комсомолцы говорят—
Надо расписаться.

Вообще молодежь смотрит на церковные обряды, как на традиционный порядок, но во всяком случае не как убежденные верующие. Ведь обрядность сопровождается известным эффектом, как-то встреча жениха, и невесты, поездка на лошадах в церковь, к венцу, гулянка, пляска и т. п.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ДЕВУШКА

Большим недостатком работы в деревне является слабое вовлечение крестьянских девушек в союз. Слабость этой работы объясняется целым рядом причин,—прежде всего—бытовыми. Деревенская девушка, находясь больше с матерью, чаще всего находится под ее влиянием. Поэтому она более консервативна, чем деревенские парни. В ней глубоко еще сидит старый обычай: «баба для крестьянства, но не для сходов,—это дело мужиков». Кроме этого, будучи в большинстве случаев малограмотными, не редко совершенно безграмотными, девушки очень ограничены в культурной и общественной жизни деревни. Помимо этого сами комсомолки подчас не могут подойти к девушке. Очень часто комсомолы смотрят на них просто как на объект полового удовлетворения. Парень комсомолец вместо того, чтобы поддержать авторитет вступившей в РЛКСМ девушки-крестьянки, слабая авторитет неправильными подходами подорвать ее авторитет. Ребята часто пользуются незнанием комсомольской этики вновь вступившей девушки и в половом вопросе берут ее просто, что называется, на «пушку»—дескать так полагается по-комсомольски; если девушка отказывается, то парень обзывает ее мешанкой.

Ясно, что такой подход комсомольцев к девушке очень резко бросается в глаза беспартийной массе. Родители после таких фактов смотрят на комсомол, как на самых развращенных ребят.

Был такой случай. В 1923 году в Пензенской губ., в К-м уезде в деревенскую ячейку впервые вступили 3 девушки. Ребята комсомольцы «подстрельнули за ними». Через 4½ месяца, как поговору, все три забеременели разом.

Бюро ячейки, чтобы не подорвать авторитет комсомола, постановило: «женить всех троих ребят на обеспеченных». Когда их призвали в ячейку и оповестили о решении бюро, то на женитьбу согласился только один Петр, а двое, мотивируя непричастием к этому делу, — наотрез отказались.)

Если посмотреть, как воспитывается крестьянская девушка, то мы увидим, что с раннего возраста мать уже учит ее — как вести хозяйство и избирать хорошего мужа. Поэтому девушка больше живет мыслями о будущей замужней жизни, каков будет хозяин — будущий муж, тот парень, с которым она туляет. По правде сказать, комсомольцы у нас часто бывают в своем хозяйстве бесхозяйственны, поэтому девушка смотрит на них, как на людей, с которыми в будущей семейной жизни легко можно «горя тянуть».

Это также заставляет крестьянских девушек сторониться от комсомольцев. В деревне так рассуждают: «раз комсомолка, значит у нее муж должен быть обязательно комсомолец — не хозяин». Сын кулака комсомолку никогда не возьмет.

На комсомольцев девушки не всегда надеются, потому что в деревнях было очень много случаев, когда коммунист, побывавши на фронте, в совпартшколе, культурно-политически развился, в то время как жена его находится в одном уровне. На почве этого происходит развод. То же самое и комсомольцы. Ясно, что комсомольцы теряют у девушек доверие, она больше льнет к сыну кулака, которого отец в случае «проказы» поженит на обеспеченной девушке, чтобы не осрамить за сына перед «миром».

(Нужно отметить, как массовое явление, и неумение наших комсомольцев вести себя в среде беспартийных девушек. Так например, в Гомельском уезде на одной из волостных конференций одна беспартийная девушка по докладу «Комсомол и девушка» в своем выступлении заявила следующее: «что-ж, мы знаем, что комсомольцы должны быть как бог свят, а как же мне идти в комсомольцы, если они в избе-читальне нас пугают и жартуют, як все хлопцы».)

Такие факты очень резко бросаются в глаза девушкам. Девушки повидимому в этих случаях не видят в комсомольцах отличия от беспартийных. Зачем же ей идти в КСМ — скан-

далить с родителями, когда такие прелести, да пожалуй еще почище, она может найти в среде беспартийных?

Как смотрят девушки на религиозные обрядности, на церковный брак? В большинстве (на 80%) пока считают как необходимый акт для сожителства. Но это не говорит за их полнейшую религиозность. Девушки стремятся выйти замуж по церковному потому, что по традиции считают так крепче. Комсомольцы и особенно беспартийная молодежь са-ми способствуют укреплению таких взглядов у девушки. Например, женится парень комсомолец. Его товарищи спрашивают, «ну, как, парень, женился?» А он, помаявшись, с широкой улыбкой, отвечает: «нет, расписался». Тем самым дает понять вроде того, что женитьба без церкви — это не женитьба.

Это нужно искоренить, деревенский комсомолец должен высоко поднять авторитет и крепость гражданского брака. Каждый комсомолец обязан складывать жизнь с женой таким образом, чтобы быть не плохим примером для других, а лучшим. Этого можно достигнуть путем правильного склада семьи, искоренения рабского отношения к женщине. У жены того комсомольца должна быть полная согласованность с женой, крепость семейных отношений: избегать скандалы, пьянку и т. п.

Поэтому комсомольцы при женитьбе должны делать правильный подбор девушки в будущие жены, чтобы последние отвечали им не только в физиологической потребности, но и в политическо-культурном отношении; в однородности взглядов, чтобы в будущем избежать разводов. Каждый женившийся на беспартийной девушке комсомолец должен обработать свою жену — подготовить ее для вступления в КСМ и партию.

Если мы этого добьемся в жизни, девушка наглядно будет видеть, что комсомольцы способны строить семью, и тогда неизбежно будет переломлен взгляд их на комсомольцев, как на «ненадежных» ребят. Это в значительной степени поможет нам шире охватить девушек комсомолом. Наряду с индивидуальной обработкой девушек, не менее важная задача комсомола и партии, — глубокое культурное воспитание взрослых деревни. Девушка всегда связана с матерью — взгляды матери передают девушке. До тех пор, пока не переломим до некоторой степени крестьянку-мать, до тех пор работа среди девушек сильно будет хромать.

В центре работы по вовлечению девушек в общественную работу и в комсомол комсомольская организация должна поставить экономическое раскрепощение девушки, отрыв ее от влияния семьи. По этому пути должна строиться вся словесная и практическая агитация в деревне.

Комсомолке в деревне нужно добиться культурного преобразования. Нужно поставить себя в глазах крестьян таким образом, чтобы комсомолка в деревне была самая грамотная, самая культурная и самая примерная в личной жизни девушка. Самим комсомольцам нужно поддерживать авторитет девушки комсомолки в глазах беспартийных, нужно добиться, чтобы обращения комсомольцев с комсомолками были самые лучшие.

Не менее важная задача ячеек, которая будет играть решающую роль в росте союза за счет девушки, это искоренить площадную ругань среди комсомольцев.

Если ячейки комсомола в деревне обратят на эти моменты наиболее серьезнейшее внимание, то тогда не будет такого отношения девушки к комсомолу; а, самое главное, этим мы убьем боязнь у родителей—пускать девушку-дочь в комсомол.

ПОЧЕМУ ДЕРЖИТСЯ СТАРАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В каждом беспартийном молодом парне, особенно в деревне, глубоко сидит индивидуализм, стремление показаться и выделиться. Деревенский парень с женой старается сделать свадьбу таким образом, чтобы об ней говорила вся деревня. Отсюда и крепость старой обрядности. То же самое и в отношении похорон и крестин. Если мы будем проводить все эти жизненные моменты сухо, не сумеем противопоставить нашу новую революционную церемонию старой церковной обрядности, то молодежь долгое время будет находиться под влиянием и в зависимости церкви. Мне часто приходится слышать от комсомольцев разговоры: «к чему сов. октябрины, комсомольская свадьба и т. п., можно обойтись и без шумихи». Это—в корне неправильно. Человек часто живет не только умом, но на него оказывают влияние психологические настроения. Поэтому оголять, ошелушать те наиболее важнейшие моменты в жизни людей, как то рождение, женитьба, похороны—нельзя. Наоборот, каждая деревенская ячейка должна новую обрядность поставить так, чтобы она в десятки раз была лучше, чем религиозная. В этой книге приведен один факт: женитьба двух комсомольцев в казачьей станице, где собрались крестьян полон народом, а если бы не было этой церемонии, крестьянство смотрело, как на сонную—неприятную для такого торжественного случая обрядность. Нашим ячейкам при каждом таком случае нужно создать блестящий эффект, который бы перешибал всякую церковно-пышную церемонию.

Из Ульяновской губернии нам пишут: собирается крестьянская молодежь вечером в келье. Здесь и хулиганство, драка, скандалы, пьянство, матерщина и «пошлые анекдоты». На комсомол ложится обязанность вести борьбу с кельями. Какие же методы борьбы окажутся более подходящими?

Такие факты мы можем видеть в деревнях сплошь и рядом. Комсомольская организация в деревне еще не нащупала того массового метода работы, который бы отвлек молодежь от посиделок, келий и избушек. У нас часто комсомольцы в этом вопросе сильно пересаливают. Было очень много случаев, когда комсомольцы отрываются от беспартийной молодежи, живут замкнутой жизнью, ничем не связывая себя с беспартийной молодежью в деревне. Часто наблюдаются такие случаи, когда комсомольцы, врываясь на посиделки, разгоняют их административным способом, тем самым теряя авторитет в глазах беспартийной молодежи. Напр., был такой факт: комсомолец дер. Репьевка, Корсунского уезда, пишет по поводу келий следующее: «Только широко развернув культурно-просветительную работу на деревне, избачивая и т. п., мы сумеем повлиять на молодежь, заставим ее отказаться от посещения келий. Методом культурной работы должны служить: беседы, бесплатные вечера, коллективные игры. В борьбе с кельями культурникам должны помочь соворганы путем административного воздействия на граждан, чтоб последние не допускали в своих домах келий, этих притонов деревенского разврата».

Конечно, первая часть весьма правильна. Этот метод работы комсомола в деревне поможет нам на 50% отвлек молодежь от пьянки и полового разврата. Но это конечно, не все. Молодежь, как таковая, лекциями не удовлетворится. Она захочет и погулять. Помимо культурных запросов, у ней есть физиологические, чисто юношеские запросы. Молодежи нужно и повеселиться, потанцевать, поговорить, объясниться с девушкой. Этого не доучивают некоторые комсомольцы.

Особенно остро стоит вопрос о правильных отношениях между девушками и ребятами в деревне. У нас часто в деревенский парень видит в девушке только женщину, но не товарища. Поэтому разговоры и все движения парня сводятся просто как к женщине—поцеловаться, пощупать и использовать ее в половом отношении.

Здесь перед комсомолом громадное поле деятельности по воспитанию молодежи. Нужно переломить у парней взгляд на девушек, как на самок, которые должны служить только для полового удовлетворения парней. Как же комсомол может перевернуть старые взгляды деревенских ребят, когда они отрываются от жизни беспартийной молодежи и своим администрированием просто заглушают молодежь, делая себя в глазах ее не воспитателем, а милиционером.

Во второй части письма мы видим также искажение истинных форм борьбы с кельями. Мы не можем искусственным путем заглушать крестьянские вечеринки, ибо степень культурности молодежи является основой форм веселья, про-

вождения времени и развлечений молодежи. Культурная прослойка молодежи больше интересуется спектаклями, чем вечеринками, пьянкой и развратом. У наиболее же отсталой в культурном отношении молодежи—будет обратное. Поэтому комсомол в переустройстве быта деревенской молодежи должен идти в первую очередь по линии повышения культурного и политического уровня молодежи.

Но как комсомолцы могут воспитывать молодежь, если они не бывают на посиделках? Залечь молодежь в народом часто нашим ячейкам не представляются возможным; при чем своим администрированием заставляют беспартийную молодежь сторониться и избегать встречи с комсомолом. Поэтому комсомол в деревне должен жить в массах беспартийной молодежи, стараться завлекать молодежь в народом. Допускать посиделки, кельи, как форму массового развлечения молодежи, стараясь через свое присутствие на поседках, внутренне разлагать старый быт, внося в вечеринки вместо старого разврата, пьянки, драк—революционное содержание. Нужно посиделки превратить в место воспитания беспартийной молодежи.

Практически это можно достигнуть таким образом, как напр., в деревне Ольховка, где комсомол организует тройки по работе на посиделках. Ребята приходят, разговаривают с беспартийной молодежью, подчиняются всем правилам посиделок, а потом минут через 20—30 группируются вокруг себя беспартийных ребят, запевают веселые комсомольские песни, увлекая за собой всю молодежь. После этого проводят новые игры в политфанты и так постепенно переходят на лекции. Этот метод деревенским ячейкам нужно широко использовать. По мере того, как молодежь в культурном отношении станет развиваться, так она сама без всякого нажима со стороны комсомола отстанет от бессмысленных посиделок.

НОВЫЙ БЫТ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Советский строй создал совершенно отличительную от прошлого обстановку в производстве. В самой рабочей массе чувствуется глубокий, внутренний подъем, стремление к повышению производительности труда, направленное к социалистическому накоплению. Рабочие добровольно увеличивают норму выработки и т. д. В Царицыне на заводе «Красный октябрь» рабочие вредных цехов решили работать вместо 6 часов—8, в гор. Пензе—фабрика «Искра» при 8-ми часовом рабочем дне достигла 120% довоенной выработки. По всем фабрикам и заводам прокатилась волна движения за повышение производительности труда. Рабочие добровольно отработывают субботники, воскресники. Все это свидетельствует о повышении сознательности рабочих. Если раньше рабочий был

принужден к производству, относиться как чужой человек,—«день да ночь—сутки прочь», то сейчас почти каждый взрослый рабочий и рабочий подросток сознали то, что они являются творцами новой жизни. К производству рабочие стали относиться как его хозяева. Сейчас каждого рабочего беспокоит малейшее упущение на фабрике, цехе, мастерской—поломка, порча инструментов и т. п.

Если раньше рабочий считал фабрику тюрьмой, то сейчас фабрика постепенно превращается в дворец труда и в школу для рабочих. Внутренняя обстановка фабричных корпусов также коренным образом изменилась. Вместо икон, портретов царя и хозяина, на стенах сейчас красуются революционные лозунги, плакаты, и т. п. Почти на каждой фабрике рабочие издают свои стенные газеты, в которых они свободно обмениваются мнениями. В фабричных помещениях вывешены «конституция», «кодекс законов о труде», «правила внутреннего распорядка», которые постоянно осведомляют рабочих об их правах. На фабриках произведен целый ряд улучшений в области санитарной гигиены. Организованы фабрикальные столовые, бани, амбулатории. Рабочие снабжаются спец-одеждой. Все это приводит к улучшению быта рабочих, в то же время поднимает их культурность. Ежедневно мелькающие перед глазами рабочего плакаты постепенно внедряются в его сознание. Если раньше запруженный 12-ти часовым рабочим днем рабочий не мог читать газеты, не мог заняться ликвидацией своей неграмотности, то теперь ему предоставлена возможность заняться и этим.

Рабочие выписывают и читают газеты и участвуют в работе кружков. Рабочие стали гораздо просвещеннее и в отношении знания и в области выполнения основных правил гигиены. На аэропланном заводе «Лебедь» в 1920 г. впервые на фабрике поставили умывальник. Первое время рабочие прямо с ужасом смотрели на эту затею. Многие говорили: «Смотрите, большевики купать нас хотят во время работы». С первых дней к умывальнику подходила только молодежь, потом постепенно, спустя полтора месяца за молодежью пошла и взрослая рабочая. Через полгода мытье рук вошло уже в обиход. Так бывает с целым рядом новых начинаний. Вместе с этим в рабочей среде глубоко укоренилась общественность во всех ее проявлениях. Вместо прежнего одиночества, беспомощности и страха за завтрашний день в рабочей среде можно наблюдать организованность, коллективные настроения и сознание своих прав и обязанностей. Все рабочие организованы в профсоюзы, у них имеется касса взаимопомощи, у молодежи—комсомол. Все эти организации являются опорой рабочего. Рабочий знает, что в случае какой-либо нужды, он получит помощь и поддержку от своих организаций.

Возможные собрания, митинги, заседания и новые разговоры на общественно-политические темы постепенно развиваются. Наряду с этим, рабочие сами активно участвуют в общественном движении. Неимоверно растет творчество широких масс рабочих и молодежи. На фабриках выявляется много самородков-писателей, поэтов и изобретателей, которые отражают настроения и стремления рабочего коллектива. Вместе с этим изживаются все остатки старой жизни. В рабочей среде почти не встретишь случаев подхалимства, лицемерия, которые так часто были в прежнее время.

Глубокая работа партии по ликвидации неграмотности и политическому воспитанию перерождает рабочих и выводит их из рабства и мещанства и замкнутости, — на путь общественной жизни. Рабочая масса таким образом стоит на пороге от старой к новой жизни. Рабочий вступил на путь сознательной активной жизни. Это можно проследить из ряда фактов — интерес к производственным совещаниям, рост количества рабкоров и юнкоров, еженедельные собрания, посещения рабочего клуба и т. д.

С поднятием культурного уровня рабочих, постепенно исчезают религиозные предрассудки. На почве этого происходит глубокое размежевание не только в обществе, но и в семье. Бывают случаи, когда в одной семье есть различные взгляды на политику и религию. Вот наглядный пример: перед нами семья извозчика, мелкого собственника. До 1918 г. внутри этой семьи было все спокойно. Дети не прекословили родителям, подчинялись отцу во всех отношениях. Отец-извозчик ставит себе в жизнь цель — купить домик, сберечь копеечку про черный день, купить лошадку, корову и жить спокойно, похаживая к обедне. У этого извозчика есть три сына: первому 30 лет, второму — 20 и третьему — 18. Первый и последний сыновья воспитаны в духе отцовских взглядов.

Старший сын (отделившийся) пошел по стопам отца, обзавелся хозяйством, купил дом, лошадку, женился и живет припеваючи. Третий сын, заработав деньги, бережет по учению отца — копит. На праздник, вместе с отцом, вырядившись в поддевки, идут вместе к обедне. Этим кончается весь их жизненный интерес. Второй сын, по прозвищу «Тятыка», в 20 г. не извозчиков ушел на фабрику — рабочим. Здесь он опротестаризировался, вступил в комсомол, вообще преобразился, стал совершенной противоположностью отцу и братьям. На почве этого внутри семьи происходят постоянные скандалы. Страшно религиозный отец-извозчик изгоняет из дому комсомольца за его атеистическое мировоззрение и за то, что он мало зарабатывает. «Ушел в фабричное», — говорит отец, — где даже столько, сколько зарабатывает извозчик, не зарабатываешь».

Как только сын придет с фабрики, отец начинает ругаться, укоряет: «Ну, что, коммунист, не будь отца, ведь жрать нечего... Голоштаный чорт... горланишь, горланишь, а толков нет!.. Вон, Серега, дом нажил, — глянь выезд каков приобрел. Корову купил. Все люди в зависть кидаются... Палку на вас... Ноне не только отцу дать, а с него талцита»...

Такие факты мы можем наблюдать во всякой семье, где сталкиваются различные мировоззрения.

Рабочая молодежь, которая раньше занималась устройством вечеринок, танцев, пляски, сейчас создала миллионную организацию — комсомол. На фабрике можно наблюдать, как в кружках молодежи вместо старых анекдотов устраивают коллективную читку газет. Повседневные собрания, заседания ячейки, кружков, обществ, — перерождают молодежь, вытравляя из ее сознания все старое, рабское, несоответствующее новым задачам.

Неимоверно поднялась активность рабочей молодежи. Если принять во внимание больше 10.000 станных газет, которые издают комсомольские ячейки (в которых принимает участие больше 200.000 рабоче-крестьянской молодежи), то этого достаточно, чтобы убедиться в перевоспитании рабоче-крестьянской молодежи, и росте ее культурно-политической активности.

В городе и деревне мы наблюдаем стремление рабоче-крестьянской молодежи к науке и знаниям. Настроение рабоче-крестьянской молодежи, особенно комсомольцев, чрезвычайно жизнерадостное.

ИНТЕЛЛИГЕНТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ И ЕЕ БЫТ

В это же самое время можно наблюдать упадочные настроения и моральное возложение правой интеллигентско-мещанской молодежи. В среде интеллигенции мы наблюдаем размежевание на 3 основных группы: первая группа — близко стоящая к нам молодежь, это наиболее революционная часть. Вторая — умная, хитрая, проницательная буржуазная молодежь, пропущенная через годы революционных испытаний; эта часть внешне поддерживает лас, пристраивается к нам, прикрывает себя революционными фразами, но эта часть самая вредная, самая опасная, так как она внедряется в наши ряды и обдѣлывает свои делишки под нашим флагом. И наконец, третья группа — это правая безвольная и отживающаяся интеллигенция. Правая интеллигентско-мещанская молодежь, не способная к жизненной борьбе, ударяется в панику, занимается богословием, организует кружки баптистов, евангелистов, толстовцев и проч. Она пытается найти себе успокоение в этих кружках, не связанных с реальной

жизнью. Отживающий класс буржуазии в лице своей молодежи залепетал о Боге, о загробной жизни, как это делается со всяким старым человеком в конце его жизни.

Но есть особая группа интеллигенции, которая живет припеваючи, ни о чем не думает, устраивает баллы, развратничает, крутит романтическую любовь. Эта молодежь ютится по преимуществу в мещанских городках. Напр., в г. Пензе всегда по приезду на каникулы студенты, выходящие из интеллигентской семьи, с большим азартом занимаются устройством балов, концертов, которые ничем не отличаются от студенческих балов старых времен.

Идеалы и интересы гнилой интеллигентской молодежи далтыше «любви», «женитьбы», «шелка», «золота» — не идут. Последняя прослойка молодежи, на которой я хотел остановиться, — это бывшая когда-то «революционная» (так она себя считает) молодежь, которая сейчас занялась самопогребением. Видя свою слабость в жизненной борьбе, нежелание работать с рабочей молодежью — эта часть интеллигентской молодежи переживает разочарование в жизни и в революции. Она заговорила о целях жизни: «зачем жить, к чему жить?» Она рассуждает так: «зачем вся эта жизненная суета, — все равно мы умрем! Зачем творчество, революция, из-за чего происходит борьба?» Такие настроения мы наблюдали особенно в 1921 г., в момент перехода на новую экономическую политику, когда окончательно определилась устойчивость советской власти, когда рабочая молодежь, используя ее временно, начала оттираться от руководства. Рабочая молодежь стала особенно развиваться, обгонять интеллигентскую молодежь во всех отношениях. Даже в среде «комсомольцев», случайно вступивших в комсомол (дети дворян, попов, фабрикантов), пошла паника, разочарование в жизни, которое приводило их к самоубийству. Например, застрелился секретарь Саранского укома Покровский, сын бывшего фабриканта. Он не нашел цели в жизни. В Городищенском уезде застрелился инструктор укома, сын попа, который пришел к заключению, что «не нужно жить», и т. д. Это свидетельствует о том, что интеллигенция в массе своей неспособна к упорной длительной работе и борьбе. В момент революционного подъема ее временно охватывал порыв, она шла за нами. В момент же перехода на глубокую творческую, но медленную работу интеллигенция в массе своей не выдержала и убежала. Это мы можем проследить из целого ряда исторических фактов, напр., во время революции 1905 г. Первое время либеральная интеллигенция шла за революционными лозунгами, боролась, получала натайки, а как только революция была подавлена, началась реакция, она убежала из революционных рядов, занялась ликвидаторством партии, богоискательством, арцыбащевщиной и т. п.; то же мы видим и сейчас. Наиболее сознатель-

ная, лучшая часть (ее большинство) пошла вместе с нами, наиболее реакционная пошла против нас, не выявляя это активно. Часто враждебные нам группировки из среды интеллигенции проникают в учебные заведения, в ВУЗ'ы, они отчасти вместе с этим перерождаются, но старые привычки они переносят и на окружающую их среду на более передовую интеллигенцию.

Напр., одна иваново-вознесенская студентка-комсомолка пишет своей беспартийной подруге (тоже студентке) в Москву следующее:

«Милая Поля!

Я за тебя очень довольна, что тебя хоть там школа веселит, а то ты совсем загоревалась.

Поля, ты пишешь, что у тебя много ухажеров, много писем пишут тебе и объясняются в любви. Я, конечно, довольна, что ты говоришь, что тебя радует, и отвлекает от пессимистических настроений. Как не говори, а если кто отрицает ухаживанье, это наверняка говорит тот, кто сам никогда не испытывал ухаживанье других на себе, да сам не влюблялся. Ну, вот, Полноша, а мне до сих пор везет. Почему не знаю, меня, так любят и ребята и девчата, говорят, я хороший человек. В чем правда это выражается, я не могу тебе сказать. Сейчас у меня по обыкновению ухажеров много, но гуляю я с ними мало, так как я на последнем курсе и приходится много уделять время самообразованию... Сейчас у меня лучшие ухажеры: Ваня, Паша, Петя. Это основные. А которые так вообще — прямо не сочтешь. Ратуново вспоминаю лишь при разговоре с Колей Баксеновым. Досада, Поля, ученье: ученье... которое мало идет в голову, ведь я девушка зрелая, пора уж и пристроиться. А то неофициально все приходится... А ведь сама знаешь: «любви все возрасты покорны, ее порывы благотворны»... во всех отношениях, в чем бы это не выражалось.

Поля, ты говоришь, что ты чувствуешь неопределенность в учении и в жизни, вступи в комсомол, ты будешь веселее, осознаешь жизнь и у тебя будет гарантия окончить школу... Тебе шлет привет Корочка. Учись как можно меньше. Принимай все к сердцу. Не тошись (хоть вода замерзла). Не стреляйся, а то вместо сердца попадешь в руку и будешь калекой. А главное не травись и не ложись под поезд. Гляди как можно бодрее на все.

Целую беспрерывно. 1 час 35 мин.

Пиши, пиши стихи, я их буду читать и по ним буду судить о твоих настроениях».

Люся.

Вот наглядный факт психологического упадка интеллигенции. В этом письме комсомолка уговаривает беспартийную интеллигентку вступить в комсомол, тогда ей, дескать, «будет

веселее», она осознает жизнь и главное у ней будет «гарантия окончить школу», т. е., примазавшись к комсомолу, она сможет быть содержанкой этой организации. Будет благополучно устраивать личные делишки. Это письмо также наглядно показывает психологическое разложение той подружки, которой писала ивановская комсомолка.

Такое настроение отнюдь не одиноличное. Это массовое явление, наблюдающееся в среде отживающей интеллигентской молодежи. Я помню, в 1924 году в Иваново-Вознесенске была чуть не «лига самоубийства», состоящая из студентов политехникума и учащихся школ 2-й ступени. Эта группа вновь вытаскала Арцыбашева, изучала его. Вскоре после организации этой группы отравился комсомолец, из любви к одной 16-летней девчонке, принадлежащей к этой группе. Между прочим в этот неофициальный кружок вступили 4 комсомольца-интеллигента, которые фактически разделяли взгляды этой безумной отживающей интеллигенции. Вскоре этим пессимизмом заразилась часть учащихся школ 2-й ступени; зараза даже начала переноситься на новичков интеллигентов-комсомольцев. Напр., комсомолка, из-за которой отравился комсомолец—некто Р. П., ходила специально в комсомольский клуб, чтобы навязать свое упадочное настроение подружкам по школе. У ребят-комсомольцев она просила револьвер, чтобы застрелиться.

А где вы видели, чтобы рабочий парень заражался такого рода самоубийственным пессимизмом? Этого нет.

Некоторые называют самоубийство героизмом, относят это за счет силы воли застрелившегося. Это неверно. Стреляется самый последний трус, у которого не хватает силы воли бороться и выносить все, до конца. Застрелиться это не выход из положения; это—последнее дело, которое завершает жизнь легкомысленного или психически ненормального человека. Комсомольский поэт Безыменский об этом говорит так:

Готов я в мозг руками впитаться:
О, нет, должны мы с этих пор
В некрологи самоубийцы
Поставить вечное «ПОЗОР».

Случаи самоубийства отдельных мещан-комсомольцев мы не станем обволакивать какой-то романтикой, мы не будем воспевать героизм безумцев. Такие случаи мы будем клеймить презрением. Так смотрит и должна смотреть на самоубийцу рабочая и крестьянская молодежь.

Да, мысль долбит меня как дятел,
Из сердца рвется дикий свист:
— Предатель!
— Не коммунист!

Мы должны не забывать, что наша жизнь целиком принадлежит партии и рабочему классу, поэтому распоряжаться ей не может ни один коммунист и комсомолец.

Наша задача—построить новое общество, в котором не будет эксплуатации и бесправия, такое общество, где каждый член коллектива будет чувствовать свое человеческое достоинство. Для того, чтобы достигнуть этого общества, необходима самая настойчивая борьба.

Вот в чем цель и смысл жизни современной молодежи. Этим еще отнюдь не исчерпывается цель жизни вообще; разве наука, искусство, не есть цель и смысл в жизни? Разве человечество, живущее на земной планете, не думает при сильно развитой технике соединиться с другими планетами и узнать об их жизни и т. д.?



Пионер читает в семье газету

И, чтобы все это осуществить, подготовиться к этой решающей битве (к мировой революции), рабоче-крестьянская молодежь должна учиться, организовываться, перешагивать наукой и техникой наших врагов. Поэтому то рабочая и крестьянская молодежь, осознавая эти перспективы, никогда не подпадала и не подпадет под влияние пессимистических настроений, которые пытается навязать отживающая правая интеллигенция. Наша рабочая и крестьянская молодежь, как никогда, сейчас полна жизни, увлечена учебой и работой. За последние два года комсомол не только укрепился сам, но он ведет за собой больше миллиона детей юных пионеров. Юные пионеры внедряются в семью, разлагают старый быт. Нередко в деревне, в крестьянской семье пионер является грамотеем и даже знатоком политики. Пионер родителям читает газеты, являясь нашим проводником.

IV. КЛАССОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Буржуазия воспитывала своих детей с ненавистью к рабочему классу. Все воспитание было направлено к приучению своих детей быть господами.

Первое, чему учила низшая школа детей рабочих, это любовь к царю, к богу, старшим и начальству. Детям, с малого возраста, вбивались всякие сказки про бунтовщиков, революционеров. Таким образом, искусственно вырабатывалось у ребенка отвращение к революционерам.

С малых лет буржуазия приучала в школах и церквях молодежь к унижению, поклонству, терпению и рабству. Доказывали молодежи и воспитывали ее в том, что существующий порядок заведен издавна, и не подлежит никаким изменениям. Этим самым создавали у молодежи впечатление о вечности и неизменности существующего строя. Взять даже внешнюю часть. Буржуазная молодежь, начиная от начищенных пиджаков и кончая прической, коренным образом отличалась от рабочей молодежи. Буржуазия создавала внутри себя семейную этику, бытовые отношения и культуру, строго соответствующую ее задачам.

Буржуазия веками приучала и своих детей, и детей рабочих и крестьян признавать и увековечивать свои формы, относиться к ним с почтением и любовью. Она умело могла привлекать на свою сторону все классово-продажные элементы, выходящие из мелкой буржуазии, кулачество, мещанство.

Попавший волею судеб через протекже в гимназию или городское училище, сын извозчика или кулака-мещанина резко отходил от класса, близко стоящего к нему. Он окончательно порывал связь с бедняцкими элементами. Психология его выравнивалась по линии подражания поведению буржуазной молодежи. Приобретение кокарды, светлых пиджаков, было основным у каждого гимназиста, в том числе и у выходца из низов. Приходилось замечать, как дети мелкой буржуазии и дети прачек и дворников, попадающие в гимназию, окончательно порывали связь с бывшими друзьями. Они старались подружиться с сыновьями буржуазии.

Несмотря на то, что эти прихвостни для заносчивых буржуазных сынков были материалом для посмешища, они выносили все, добиваясь карьеры светло-пудовичного чиновника.

Из этого рода чиновников создавалось нечто в роде особой группы квалифицированных холоуев буржуазии.

Они навсегда рвали связь со своим классом. Рабочий в глазах этой примазавшейся к буржуазии своры казался ничтожностью. Основная цель в жизни этой группировки сводилась к приобретению частной собственности.

Поменщики и буржуазия владели властью и средствами производства в течение нескольких веков. За это время они приучили себя и другие угнетенные классы, особенно темные, невежественные элементы с почтением относиться не только к ней (буржуазии), но ко всему ею поставленному. Возьмем учреждения, казенность их, неприступность. Веками создавалось мнение относительно того, что посаженная власть от бога, к которой нужно относиться с глубоким почтением и уважением. Учреждения для крестьянства и рабочих были недоступны. Если случалось крестьянину или рабочему бывать в этом учреждении, то предварительно требовалось обивание порогов, унижение, поклонство, взятки и т. п. И низшие слои, особенно мещанство, относились с глубоким почтением к этим учреждениям.

Революционные партии, начиная с 70-х годов 19-го столетия, неоднократно ставили вопрос о свержении и ломке этих консервативных учреждений. Однако, большинства за собой эти революционные партии не имели. Это доказывает, как ловко и умело буржуазия путем оружия, пытки, церкви, школы и печати могла создавать почет и уважение к себе.

Нам же, в противовес старым порядкам, нужно добиться того, чтобы рабоче-крестьянская молодежь была воспитана в ненависти к богатым. Детям нужно, с малых лет, привить понятие о классах, о богатых и бедных, нужно вызывать у них отвращение (в будущей жизни) к рабству и эксплуатации.

Сила, сплоченность и единство пролетарской организации заключается в взаимном сознании классовых интересов и устранении всех противоречий внутри единого класса. Гниение буржуазии и ее безжизненность объясняется отчасти и тем, что у нее идет постоянная вражда между собой, основанная на конкуренции. У пролетариата этого нет. Молодежь у себя должна создать дружные, товарищеские связи. Нужно объявить беспощадную борьбу индивидуализму, идущему вопреки интересам всего коллектива. Товарищеский коллектив, спайка в работе, в личной жизни, взаимный героизм—необходимые условия пролетариата в жизни и борьбе.

Каким образом мы можем создать такой товарищеский коллектив?

Наглядным примером могут служить матросы периода 14—16—17 годов. Эти люди, находясь под железной пятой царизма, будучи постоянно окруженные специфическими опасностями и жестоким режимом, создали в таких условиях крепкий, товарищеский коллектив. В 1917 г. из флота вышли десятки тысяч матросов-героев, большевиков. Вот с кого рабочая молодежь должна взять пример при создании и выработке товарищеского коллектива. Мы знаем, что в 1916—1917 гг. этому соответствовали условия, в которых жила молодежь. Гражданская война, участие в этой гражданской войне и создавали из молодежи революционеров, преданных своему классу. Совместное участие молодежи в этих боях накладывало глубокий отпечаток на создание героического коллектива. Сейчас этих условий нет. Мы живем в мирной обстановке. В обстановке, когда перед нами нет эксплуатации, нет открытого врага, нет фронтов, чувствуется внешнее спокойствие. Мы можем наблюдать случаи, когда к нам попадают в организацию совершенно случайные, чуждые рабочему классу элементы. Примазавшись к комсомолу, они начитываются, развиваются, становятся агитаторами и пропагандистами только как спецы, но не как искренние революционеры, преданные рабочему классу. В такой обстановке гораздо труднее создавать революционный коллектив. К тому же мы не изолированы от общего движения в нашей стране. Мы живем в период классового оформления новой империалистической буржуазии, у которой создается своя идеология, свои нравы. Эта идеология может быть перенесена и в наши ряды. Все это затрудняет задачу создания твердого классового коллектива. Наш союз, будучи господствующим союзом, позволяет вступать к нам и чуждым элементам, которые меньше всего ставят вопрос о классовой борьбе.

Воспитание молодежи должно проходить через политико-воспитательную работу, но, главным образом, воспитывать в работе, в изучении современной борьбы пролетариата в других странах, в изучении прошлой большевистской истории. Нужно наглядно показать молодому поколению всю гнилость капиталистической системы производства и ее нежизненность. Нужно поставить своей задачей борьбу с занесением в нашу среду мелко-буржуазной идеологии, неповских привычек. Нужно разъяснить рабочей молодежи, что переживания условий нэпа—временные, основная же цель в жизни у молодежи должна быть—революционная борьба с мировой буржуазией.

Чтобы выполнить эту задачу, необходимо заняться, в первую очередь, отбором революционных элементов в свои ряды, выбрасывая и изгоняя из нашей среды все чуждое пролетариату, создавая таким образом крепкий товарищеский коллектив, такого рода коллектив, в котором была бы однородность

интересов прежде всего, изжить выставление собственного я, проявления индивидуализма, мещанства, лжи и трусости. Последнее я выставляю потому, чтобы наш коллектив не рассматривался как религиозная секта, а, главным образом—как боевой коллектив, ставящий своей целью воспитание революционеров, борцов за коммунизм.

Следует ли из этого понимать, что мы превращаем рабочую молодежь в узко-революционную касту, в такую группу, которая не связана ни с чем житейским, которой чужды жизненные потребности, веселое проведение время, взаимоотношения полов и т. п.? Конечно, не следует. Мы не думаем заточать молодежь в какой-то коммунистический монастырь. Но мы хотим добиться правильного равновесия между весельем и делом.

Буржуазия, чтобы отвлечь молодежь от политики, поощряла происходившие в рабочих районах кулачные бои, поощряла проституцию и кабаки. Всему этому мы объявили самую беспощадную борьбу.

Мы думаем революционизировать быт таким образом, чтобы веселье, игры, развлечения не являлись вредными для рабочей молодежи (как кулачные бои, вульгарные танцы и кабаки), а служили бы в первую очередь здоровым отдыхом и культурным развлечением.

Молодежь еще не порвала связь со старыми традициями, воспринятыми ею от помещичьего, купеческо-буржуазного общества. Часто наблюдается проявление «русской натуры» («гулять, так гулять», «пить, так пить»). Нужно веселью, развлечению молодежи отвести определенное место и время. Раз навсегда покончить с купеческим удалством, выражающимся в животном разгулье, пьянке и кутеже.

Купеческая молодежь в старое время находила отдых в щекотании своих грубых инстинктов, выражающихся в пристрастии к проституции, балетным танцам и пьянке.

Вот с таким весельем мы должны бороться. Быт подрастающего поколения должен строиться не на грубо-животном разгуле, а на разумном и культурном развлечении. Каждый сознательный рабочий подросток и юноша должен твердо помнить, что он является членом господствующего класса, что на него история возлагает чрезвычайно сложную задачу построения коммунистического общества.

Само собой понятно—этому должно предшествовать ученье, повышение квалификации и приобретение новых технико-трудовых навыков. «Молодое поколение должно быть, прежде всего, поколением хороших, высококвалифицированных и любящих свое дело рабочих. Оно должно вырастать в сознании того, что его производительная работа есть в то же время социалистическое служение. Внимание к собственной

профессиональной выучке, стремление стать мастером своего дела, естественно будет высоко ставить молодежь в глазах рабочих» (Л. Троцкий. «Вопросы быта»).

Если мы сумеем воспитать молодежь именно таким образом, когда она, прежде всего, будет ставить ученье и работу, тогда наше дело в области социалистического строительства и ломки старого быта будет обеспечено.

В старое время буржуазная молодежь строила свое веселье и отдых на балах, играх в карты и пьянке. Все это было тесно связано с общей системой отношений внутри общества. Старый порядок, основанный на эксплуатации миллионов людей кучкой капиталистов, создавал для этой паразитической группы богатство. Общество развивалось в прямых противоречиях, выражающихся в могущественном материальном обогащении небольшой кучки людей за счет нищеты, за счет голода миллионов угнетенного человечества.

Все получаемые средства от эксплуатации буржуазией расходовались на всякие праздные пошлости. Спокойная жизнь, отсутствие целей в жизни приводило к животным, нечеловеческим разгулам. В противовес этому нам надо наше веселье поставить дешевле, но вместе с тем идеологически дороже. В нашем веселье должно быть глубокое сочетание умственной тренировки с физическим отдыхом. Взять игры в шахматы, кегли, все это дешево и полезно для умственного развлечения. Игра в футбол, экскурсии, театр и т. п. «Стремление развлечься, рассеяться, поглазеть и посмеяться, есть законнейшее стремление человеческой природы» (Троцкий).

Нужно широко использовать кино для воспитания масс. Это самое важное воспитание и отдых рабочей молодежи. Каждая фабричная ячейка должна изыскивать способы постановки кинематографических картин. Этим мы наряду с заполнением свободного времени молодежи будем коллективно воспитывать ее. Я помню, в Иваново-Вознесенске шла новая картина под заглавием «Дворец и крепость», которая привлекла тысячи рабочей молодежи. В этой картине наглядно молодежь видела прошлую эксплуатацию крестьянства и весь царский режим, обрушивающийся на революционное движение. Если бы наши организации комсомола сумели пропустить через эту фильму всю рабочую молодежь, то это было бы в сто раз полезнее, чем двадцать лекций и докладов об истории народнического движения. Наконец картина «красные дьяволы». Это—самая лучшая агитация, лучшее революционное воспитание молодежи.

Этого мы, в полной мере, еще не научились использовать. Нужно нашим организациям ввести эту воспитательную работу в определенный план.

Летом комсомол научился увлекать молодежь футболом и спортом. Зимой дело обстоит гораздо хуже; мы не сумели создать в наших клубах необходимого условия для молодежи, которое бы отвлекало ее от чуждых нам развлечений. От нечего делать, от скуки, молодежь естественно ударится по пивным, мешанским вечеринкам и т. д.

Отсюда—необходимость приспособливаться к жизненным запросам молодежи. Уметь полезно заполнять свободное время у молодежи. В этом—смысл ломки старого быта. До тех пор, пока мы не построим новые методы развлечения, отдыха и игры у себя в клубе, в ячейке, мы не сможем отвлечь молодежь от вредного влияния улицы, пивных, мешанских вечеринки и балов.

У нашей молодежи часто проходит время по пустому. Мы иногда сильно увлекаемся теорией «лиги времени», но вместе с тем еще не задумывались над правильным распределением свободного времени молодежи. Нужно, перестраивая быт молодежи, в первую очередь заняться правильным распределением времени.

Вопрос о календаре жизни молодежи должен стать во весь рост перед нашим союзом. Нужно приучить молодежь целесообразно расходовать свободное время. Бывают случаи, когда молодежь попусту тратит время на всевозможные рассказы о героических подвигах с девушками в тот момент, когда их жлет определенная работа. С этим нужно раз навсегда покончить.

Взять германского рабочего. У него время на весах. Он не тычется с работы—за что ему взяться, а работает и проводит время по твердому, ранее намеченному плану.

Если мы сумеем дело с отдыхом, развлечением и работой поставить именно таким образом, то мы сумеем сохранить энергию у молодежи, и, с другой стороны, приучим ее к выдержанности.

Не менее важный вопрос—приучение молодежи к внимательности.

Предположим, происходит явление на фабрике, в личной жизни имеющее важное значение. Молодежь иногда проходит мимо этих явлений, не придавая им большого значения. То же самое наблюдается и в обучении подростков и молодежи. Бывают случаи, когда один ученик получает квалификацию в год, а другой, приблизительно равный ему по умственным и физическим способностям, при равных технических условиях, получает эту же квалификацию в 2 года. Это объясняется слабой внимательностью последнего.

Внимательность нужно развивать в первую очередь в среде пионеров. Руководитель отряда должен заставлять пионеров изучать и наблюдать какие-либо явления в природе, в семье, в отряде и т. д. Нужно с малых лет приучать молодежь уметь проследить явления и изучать их закономерность. Наш русский рабочий и крестьянин страдает подчас от того, что русское «авось» глубоко врезалось в психологию каждого.

Почему изобретательность стоит высоко у американцев и германцев?

Потому, что там молодежь с детства приучена к внимательности и у ней сочетание тех или иных явлений не пройдет незамеченным. Вот, примерно, какие основные моменты должны лежать в бытовом воспитании рабочей и крестьянской молодежи.

Ясно, что этим вопрос о проведении и использовании времени не исчерпывается.

Сущность воспитания состоит в том, чтобы из рабочего и крестьянского юноши выработать самоотверженного революционера. Этому должно служить все наше политвоспитание и учеба. Часто бывают случаи, когда комсомольцы и беспартийная молодежь мало задумывается над существующим окружающим нас положением и дальнейшими задачами.

Мы живем в чрезвычайно сложной обстановке, в обстановке обострения экономической и политической борьбы частного капитала с нами. Эта борьба ставит перед нами задачу подготовить людей, преданных делу революции. Каждый рабочий юноша должен твердо помнить, что революция еще не закончена.

Враждебная стихия, как результат нэпа, растет и укрепляется. Взяв деревню—в ней происходит и оформляется расслоение. Деревня разделяется на два лагеря. На одной стороне—кулаки, торговцы, и на другой—беднота и середняки деревни. Это экономическое разделение неизбежно ведет к враждебной нам идеологии, которая имеет уж свои отростки.

Кулачество, укрепляясь экономически, начинает напирать и обволакивать бедноту, требуя политических прав и участия в советах. Недавно в «Правде» была опубликована статья о том, что в Харьковской губернии и в других местах при перевыборах советов была выявлена яркая классовая борьба между кулачеством и беднотой.

В городе мы наблюдаем рост цветков нэпа, развитие и укрепление частной инициативы. На первый вид бросаются пышные магазины, рестораны, пивные. С другой стороны, существует естественное социальное противоречие, как результат нэпа и нашей бедности, это нищенство, безработица и т. п.

Вместе с этим мы наблюдаем кропотливую работу партии, комсомола и профессиональных организаций по строительству новой жизни.

Вот в такой обстановке наша молодежь должна уметь различать причины и необходимость существования тех или иных явлений. Все это ставит перед нами задачу в первую очередь обращать внимание на воспитание, работу, на борьбу и в последнем случае уже на веселье и развлечение. Так должна рабочая и крестьянская молодежь строить свою жизнь.

Мы имеем случаи, когда в деревне-обнаглевшие кулацкие настрояния доходят до противопоставления крестьян рабочим и наоборот.

В отсталых уголках деревни существуют еще враждебные нам силы, работающие против нас, но под нашим флагом. В борьбе с этим злом молодежь должна закалять себя и воспитывать настоящих революционеров-ленинцев.

Мы должны глубоко осознавать всю историческую ответственность и роль, возложенную на молодежь. Сейчас, как никогда, в городе и деревне растет политическая и культурная активность рабочей и крестьянской молодежи. Эта активность должна быть направлена в правильное русло. Нельзя ограничиваться проснувшимся могущественным творчеством масс рабочей и крестьянской молодежи. Нужно дать широкий ход этому творчеству, ход правильный в интересах пролетариата и крестьянства.

Я приведу пример, какие цветы вырастают в недрах деревни. Недавно в «Правде» появилось письмо демобилизованного красноармейца из Гомельской губернии Бобруйского уезда. История этого письма такова. Возвратился к себе домой демобилизованный красноармеец. Пожив в деревне некоторое время, он стал замечать, что местные власти творят безчинство над крестьянством, воруют, берут взятки, прикрывают дезертиров и т. д. С чувством негодования он раскрыл все эти проделки в местной газете, но это не помогло. После этого местные власти его арестовали, сажают в каталажку, обвиняют в дезертирстве, в заражении венерической болезнью девушки. Проморивши несколько времени в сельской каталажке, власти отправляют его к врачу для освидетельствования. Врач засвидетельствовал то, что этот бывший красноармеец никаких признаков болезни не имеет. Власти вынуждены были освободить его, пригрозив, что если он не кончит свою селькорскую деятельность, то будет вновь посажен в каталажку. После этих долгих мытарств, он написал письмо в «Правду», в котором пишет:

«Так как я демобилизованный красноармеец, то не могу терпеть неправды и проделок местных совчиновников, взяточников, пьяниц и воров, дезертиров, которые за взятку скрывались от службы в Красной армии и укрывателей таковых, а также и укрывателей от учета объектов земли, луга и скота за взятку».

Это говорит за то, что у нас не везде все благополучно. И «Дымовка» в СССР, как видно, не одна. Кто же должен бороться и выявлять все эти проделки, как не рабочая и крестьянская молодежь?

«Но как меня ни страшат, ни пугают кулаки, воры, самогонщики, мошенники, дезертиры и примазавшиеся совчиновники и как ни устраивают надо мной пыток, пусть знают, что писал, пишу и буду писать об их проделках в газету до тех пор, пока они не исправятся и не станут честными людьми. А если я погибну от них, то знаю, что погибну за правое дело и обо мне напишут в газетах. Вот что меня радует. Знайте, враги селькорские, что под страхом смерти у меня не пропадет то сознание революционное, которое втолкнули мне в душу Красная армия и газета».

Вот кого мы должны воспитывать в городе и деревне.

Воспитание борцов за правду должно проводиться не только теоретически или практически в отдельности, а нужно эти два необходимых элемента тесно связать между собой. Ведь основная задача ленинского обучения сводится именно в первую очередь к соединению книжной учебы с практической работой.

«Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, который составлял самую отвратительную черту буржуазного общества*)».

Это мы можем достигнуть именно через непосредственное участие молодежи в работе советов, кооперации и т. п.

Нужно отметить еще одну ненормальность, которая замечается в воспитании молодежи. У нас часто бывают случаи, когда молодежь ударяется то в сторону одной лишь практики, то в сторону одной теории. Если посмотреть, чем занимается у нас молодежь, то мы увидим, что в большинстве случаев преобладает зубрежка старых истин. Мне приходилось сталкиваться с такими фактами. Встречаешь комсомольца, он знает почти всю политэкономию и даже знаком с теорией исторического материализма,—спрашиваешь его о международном по-

ложении, он ничего не знает. Такая учеба ненормальна. Нам нужно изучать теоретические основы вместе с изучением элементов современности, как-то: международного положения и революционного движения рабочих.

Замечаются факты, когда комсомольцы, а особенно беспартийная молодежь, мало интересуются происходящими событиями.

Здесь наша основная задача заключается в том, чтобы современность у подрастающего поколения была прежде всего и раньше всего.

Если же рабочая молодежь сейчас не будет все время интересоваться тем, как происходит международная борьба и развиваются события; не будет учитывать те достижения и поражения, который имеет рабочий класс в международном масштабе, не будет учитывать ту сложную обстановку, в которой мы существуем, тогда возможен некоторый застой в развитии рабочей молодежи, благодаря которому для молодежи будут затемняться перспективы международной революции. Для того, чтобы этого не случилось, нам необходимо обращать внимание на выработку из комсомольцев и рабочей молодежи принципиальных революционеров, интересующихся происходящими событиями и мечтающих о практическом участии в этих событиях. Если мы этого достигнем, то политическая активность в молодежи будет направлена в правильное русло. Все это говорит за то, что рабоче-крестьянская молодежь должна основной своей целью ставить революционную борьбу за освобождение трудящихся и уже на последний план ставить веселье и развлечение.

*) Н. Ленин Речь на 3-м Съезде Р. К. С. М.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Предисловие Н. А. Семашко	3
I. Что такое быт и от чего он зависит	7
II. Половые и семейные отношения	20
III. Старый и новый быт (картинки быта)	39
IV. Классовое воспитание молодежи	78